

ИГРА

НЕ-ПЕРИОДИЧЕСКОЕ
ИЗДАНИЕ

ПОСВЯЩЕННОЕ ВОСПИТАНІЮ
ПОСРЕДСТВОМЪ
ИГРЫ

1918.

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть I.

I.—ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ. <i>А. В. Луначарскаго</i>	1
II.—ВОПРОСЫ, ПОСТАВЛЕННЫЕ КОМИССАРИАТОМЪ НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ТЕАТРАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ И ПОДОТДѢЛУ ДѢТСКАГО ТЕАТРА. Народнаго сара <i>А. Луначарскаго</i>	3
III.—ДѢТСКІЙ ТЕАТРЪ и его воспитательное значеніе. <i>Н. Вахтина</i>	5
IV.—КАКЪ УСТРОИТЬ АНДЕРСЕНОВСКІЙ ПРАЗДНИКЪ (Съ библиографіей). <i>Н. Вахтина</i>	12
V.—МУЗЫКАЛЬНОЕ У АНДЕРСЕНА. <i>Анатолія Канкаровича</i> . (Съ библиографіей <i>Н. В.</i>)	20
VI.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ 1) <i>Ирина Михайшевская</i> . ДѢТСКІЯ ПѢСЕНКИ. Первая: Радуга. 2) <i>Григорій Гинзбургъ</i> . ДѢТСКІЯ ПѢСЕНКИ.—3) Музыка къ пьесѣ «Лѣсная Царевна», <i>М. Харкевича</i> —4) <i>П. А. Карасевъ</i> . «Въ Царствѣ Лѣсной царевны».—5) <i>Анна Валенбергъ</i> . Горный духъ и мальчишкы	21
VII.—ИЗЪ КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ	22
VIII.—ХРОНИКА. Совѣтъ и Бюро дѣтскаго театра и дѣтскихъ празднествъ.— Пьесы для дѣтскаго театра и дѣтскихъ празднествъ	24
IX.—ОТРАЖЕНІЯ. Изъ записной книжки актера. <i>Н. Лебедева</i> .—Изъ жизни дѣтской площадки (Отрывокъ изъ дневника). <i>Б. Ф.</i>	26
X.—КЪ ПОСТАНОВКѢ СКАЗКИ «ПАСТУШКА И ТРУБОЧИСТЪ». (Примѣчанія режиссера). <i>Н. Л.—ва</i>	30

Часть II.

I.—ПАСТУШКА И ТРУБОЧИСТЪ. Сказка Андерсена, инсценированная для дѣтскаго театра, въ 4 картинахъ <i>Н. Л.</i> , съ прологомъ <i>М. Кузьмина</i> . (Съ 2-ми иллюстраціями)	1
II.—ЦВѢТЫ МАЛЕНЬКОЙ ИДЫ. Сказка Андерсена, приспособленная для сцены <i>П. Г.</i> , въ 3 картинахъ	8
III.—ДЕНЪ. Сказка	13
IV.—ДѢВЧОНКА, НАСТУПИВШАЯ НА КАРТОНЪ. Сказка, приспособленная для разсказыванія <i>П. М.</i>	17
V.—ГАДКІЙ УТЕНОКЪ. Сказка для декламации	21
VI.—СКАЗКА О МОРКОВКѢ	23
VII.—ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ АНДЕРСЕНА въ стихотворныхъ переложеніяхъ русскихъ поэтовъ: Княжна на горошинкѣ. <i>Л. Трефолева</i> .—Королевское платье. <i>Д. Михайлова</i> .—Дѣвочка со спичками. <i>Л. Н. Трефолева</i> .—Снѣгуръ. <i>К. Фофанова</i> .—Пѣсня изгнанника. <i>А. Плещеева</i>	24
VIII.—СТИХОТВОРЕНІЯ АНДЕРСЕНА въ переводѣ русскихъ поэтовъ: Воронъ. <i>Ө. Миллера</i> .—Мать и сынъ. <i>А. Плещеева</i> .—Облака. <i>Ө. Берга</i> .—Картина съ западнаго берега Ютландіи. <i>Н. Новича</i> .—Женщина съ лушкою въ лицѣ (Старая исторія въ новыхъ стихахъ). <i>В. Шигалева</i>	31
IX.—ДѢТСТВО АНДЕРСЕНА. <i>П. М.</i>	35
X.—ЗИМОЙ. Стих. <i>Н. Ашуркина</i>	40

Потное приложение: «Въ кукольномъ театрѣ». Муз. *Канкаровича*.

№ 1.

1918 г.

СОДЕРЖАНІЕ.—Вмѣсто введенія. *А. В. Луначарскаго*.—Вопросы Театральному Отдѣлу. *А. Луначарскаго*.—Дѣтскій Театръ и его воспитательное значеніе. *Н. Вахтина*.—Какъ устроить андерсеновскій праздникъ. (Съ библиографіей) *Н. В.*—Музыкальное у Андерсена. *А. Канкаровича*. (Съ библиографіей *Н. В.*)—Библиографическій Отдѣлъ.—Изъ книгъ и журналовъ.—Хроника.—Отраженія. Изъ записной книжки актера. *Н. Лебедева*. Изъ жизни дѣтской площадки. *Б. Ф.*—Къ постановкѣ сказки Пастушка и Трубочистъ). *Л.—ва*.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

Слово «игра», поставленное въ заголовкѣ настоящаго изданія, принадлежитъ къ числу величайшихъ на языкѣ человѣческомъ и знаменуетъ собою понятіе необычайной широты.

Шиллеръ считалъ игру основой всякаго искусства. Но можно идти гораздо дальше. Игра въ значительной степени, является основой всей человѣческой культуры. Это—освобожденный отъ прямой нужды, отъ работы (рабства), человѣкъ начинаетъ мыслить, чувствовать и творить свободно, повинуюсь лишь внутреннимъ своимъ законамъ, лишь жаждѣ каждой части своего организма—развернуться. Успенскій мечталъ о выпрямленномъ человѣкѣ: да, этотъ выпрямленный человѣкъ не ходитъ, спотыкаясь, а граціозно танцуетъ,—не говоритъ, заикаясь, а вольно поетъ или ритмично декламируетъ. Охоту, бой, повседневный трудъ, любовь оны, еще дикаремъ, въ часы досуга, превращаетъ въ театральное дѣйство, хороводъ, игру, которую считаетъ обрядомъ, въ которой чувствуетъ нѣчто священное, въ которой одновременно наслаждается свободой отъ навязанной извнѣ «работы» и чувствуетъ восторженной душой присутствіе внутренняго закона, закона прекрасной чело-вѣчности.

Вотъ почему для грековъ было ясно, что началомъ всякой науки является праздность, что въ основѣ школы лежитъ она (σχολή). Человѣкъ стремится расширить свое существованіе: въ немъ, при нормальныхъ условіяхъ, заложена жажда устремиться къ вершинамъ максимальной жизни, онъ не хочетъ быть только собою. Онъ хочетъ гдѣ-то, нервами своими, пережить десятки жизней:

для этого онъ играетъ, для этого даетъ волю воображенію и, дѣлая собственный организмъ послушнымъ орудіемъ фантазіи,—лицедѣйствуетъ, жизнь дополняетъ театромъ, который есть упоеніе творчествомъ для актѣра и—спектакль, т. е. повышенное и упорядоченное изображеніе жизни, для зрителя.

Элементы такъ понятой игры являются корнемъ всѣхъ изобразительныхъ искусствъ, поэзіи, науки, религіи и всей обрядовой стороны государственности.

Вотъ почему и въ наше время возможна философская система Гольте, которая почти всю социальную жизнь сводитъ къ лицедѣйю и идеалу, двумъ формамъ желанія казаться или быть не тѣмъ, что ты есть. Съ этой точки зрѣнія, вся общественная жизнь есть гигантское лицедѣйство, гигантская—подчасъ гнусная и преступная комедія, подчасъ трогательная и возвышенная трагедія. Гамлетъ и Донъ-Кихоть, по Тургеневу, два полюса челоуѣчества, оба притворяются, теряя подчасъ границы между правдой и фантазіей, оба, какъ почти всѣ люди, играютъ съ большей или меньшей степенью самозабвенія опредѣленную роль.

Не правда, будто игра не серьезна. Для ребенка серьезна всякая игра, ибо, играя, онъ живетъ. Онъ только тогда и живетъ, когда только и упражняется, тогда только и раститъ душу и тѣло, когда играетъ. Это поняли давно лучшіе изъ педагоговъ, и не даромъ одно изъ сочиненій Коменскаго такъ и называлось «Школа игроку». Игра не серьезна, когда взрослые ребячутся, когда она опоганена легкомысліемъ, стремленіемъ убить время, свойственнымъ только паразитамъ, но неужели серьезно дѣло такъ называемыхъ дѣльцовъ?

Но игра взрослыхъ часто можетъ быть безконечно серьезна. Развѣ, выходя со слезами на глазахъ и съ бьющимся сердцемъ изъ театра или концертной залы, вы не говорите о Шаляпинѣ или Рахманиновѣ: «Какая великолѣпная игра?» и развѣ, вы не чувствуете при этомъ, насколько эта «игра» выше тысячи синихъ канцелярскихъ папокъ, на которыхъ большими буквами написано: «Дѣло»?

Чистѣйшимъ родникомъ игры, бьющимъ непрерывно и весело, является дѣтская жажда играть, стержнемъ которой надобно признать театральнѣй инстинктъ.

Хорошо еще, если взрослые оставляютъ втуне этотъ кастальскій источникъ дѣтскаго вдохновенія. Какъ часто они забрасываютъ его камнями своей черствой расудочности или мусоромъ своей мнимой дѣловитости!

Но дѣтямъ не только нельзя препятствовать играть, надо помогать имъ играть. Надо осторожно, рукою нѣжной, о любящихъ пальцахъ, направлять рѣзвѣй ручеекъ въ благоприятную сторону, по благопріятному ложу.

Когда широко открытые глазенки смотрятъ на Вселенную и отъ любопытства открывается вслѣдъ за ними и ротикъ, строгая богачка Наука сажаетъ ребятъ къ себѣ на колѣни и рассказываетъ имъ свои великія сказки. Въ былыя времена она держала розгу въ рукахъ: жестоко былъ ея схоластическій ликъ, и корень науки истинѣ былъ горекъ для маленькихъ мучениковъ. Времена эти

проходятъ. Величественная Уранія научилась улыбаться дѣтямъ и зоветъ къ себѣ на помощь легконогихъ музъ, которымъ ихъ веселость не мѣшаетъ быть богинями.

Пускай Искусство найдетъ въ своей бездонной сокровищницѣ дивныя игрушки для дѣтей и щедро сыплетъ ихъ на дѣтскіе сады, на площадки, въ школы,—всюду, гдѣ веленѣтъ новое челоуѣческое поколѣніе.

Здѣсь новая громадная, увлекательная задача для педагоговъ. Посильно служить выясненію связанныхъ съ этимъ дѣломъ проблемъ хочетъ Театральнѣй Отдѣлъ при Комиссаріатѣ Народнаго Просвѣщенія своимъ не-періодическимъ альманахомъ «Игра», къ сотрудничеству въ которомъ онъ призываетъ педагоговъ, ученыхъ художниковъ, товарищей.

А. В. Дуначенкоу.

ВОПРОСЫ, ПОСТАВЛЕННЫЕ КОМИССАРИАТОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ТЕАТРАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ И ПОДОТДѢЛУ ДѢТСКАГО ТЕАТРА.

Въ области, отмежеванной себѣ вышеупомянутымъ отдѣленіемъ Комиссаріата, котораго работа, само собою разумѣется, можетъ быть успѣшной только при широкомъ и планомѣрномъ сотрудничествѣ всѣхъ педагогическихъ силъ, сгруппированныхъ въ различныхъ отдѣлахъ Комиссаріата, а также при участіи выдающихся педагоговъ со стороны, я вижу прежде всего четыре основныхъ проблемы:

1) Вопросъ о *сценическихъ методахъ преподаванія*. Во многихъ передовыхъ школахъ Европы и Америки и кое-гдѣ въ Россіи начинаютъ испытывать весьма плодотворный методъ инсценировки подлежащаго усвоенію учебнаго матерьяла. Базисомъ новѣйшей педагогики является требованіе, чтобы такой матерьялъ усваивался активно, такъ сказать, впитывался всѣмъ организмомъ, приведеннымъ въ движеніе. Рисованіе, лѣпка, изготовленіе моделей, всякаго рода ручной трудъ, экскурсіи, собираніе коллекцій, собственноручный экспериментъ, уходъ за животными, социальный опытъ школьнаго самоуправленія,—вотъ что освѣжаетъ, въ подлинномъ смыслѣ слова *оживляетъ* правильно поставленную новѣйшую школу.

Бросается въ глаза, что однимъ изъ активѣйшихъ методовъ усвоенія является театральное изображеніе даннаго матерьяла. Инсценировка басенъ, стихотвореній и рассказовъ можетъ служить громадной помощью при изученіи словесности. Инсценировка бытовыхъ сценокъ изъ жизни народовъ или эпохъ послужитъ чудеснѣйшей иллюстраціей для изученія географіи и исторіи. Собственноручное изготовленіе относящихся сюда костюмовъ и бутафоріи послужитъ великолѣпной трудовой задачей. Игра, трудъ и познание свяжутся здѣсь по истинѣ золотымъ узломъ. Необходимо обратить особое вниманіе на разработку относящихся сюда методовъ.

2) Второю задачей является современная разработка столь давняго уже вопроса о *школьномъ театрѣ*, т. е. объ исполненіи самими дѣтями доступныхъ имъ художественныхъ пьесъ, причѣмъ

дѣти могутъ фигурировать не только въ качествѣ актеровъ и музыкантовъ, но и въ качествѣ технического театральнаго персонала всѣхъ родовъ: суфлеровъ, помощниковъ, режиссеровъ, декораторовъ, костюмеровъ, бутафоровъ, гримеровъ, плотниковъ, машинистовъ, освѣтителей и т. д., и т. д.

3) Не менѣе важной проблемой является, въ особенности для большихъ городовъ, а можетъ быть, — путемъ миграціи соответственныхъ группъ, — и для всей провинціи, вопросъ о созданіи *спеціального театра для дѣтей*, гдѣ законченными художниками-артистами давались бы въ прекрасной формѣ дѣтскія пьесы, рассчитанныя въ особенности на наиболее нѣжные возрасты, для которыхъ мало доступна даже наиболее приспособленная часть репертуара нормальныхъ театровъ. Починъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ Театральнымъ Отдѣломъ путемъ основанія Дѣтскаго Театра въ Петроградѣ, начавшаго свою работу съ несомнѣннымъ успѣхомъ.

4) Обладая огромнымъ первокласснымъ аппаратомъ въ видѣ государственныхъ и коммунальныхъ театровъ мы должны со всей серьезностью намѣтить планъ использования субботнихъ вечеровъ и воскресныхъ утренниковъ для нуждъ школьнаго и частью внѣшкольнаго образования. Правильнѣе всего было бы, если бы большіе театры, по сговору съ педагогами и съ руководителями народныхъ университетовъ, устроили законченные циклы спектаклей, обнимающіе либо исторію мірскаго театра, либо, напримѣръ, исторію русскаго театра отъ зачатковъ до современности. Подобные спектакли могли бы сопровождаться комментирующими лекціями, по необходимости, однако, короткими; но учителя и руководители могли бы готовить своихъ слушателей къ воспріятію пьесъ путемъ подготовительной, болѣе широкой и болѣе специально для нихъ аудиторіи приуроченной, предварительной лекціи. А затѣмъ, усвоеніе полученныхъ впечатлѣній могло бы быть обогащено и упорядочено путемъ устройства, въ слѣдующій послѣ спектакля урокъ, вольнаго собесѣдованія о немъ подъ руководствомъ учителя.

Таковы тѣ первыя, очень обширныя задачи, относительно которыхъ Комиссаріатъ Просвѣщенія ждетъ компетентныхъ работъ отъ театально-педагогической секціи и которымъ, какъ я надѣюсь, будетъ уделено сугубое вниманіе на страницахъ изданія «Игра».

Народный Комиссаръ А. Луначарскій.

ДѢТСКІЙ ТЕАТРЪ

И ЕГО ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНІЕ ¹

Отношеніе дѣтей къ театру можетъ имѣть какъ пассивный характеръ, когда они являются только зрителями, такъ и активный, когда они выступаютъ въ качествѣ исполнителей, а иногда и авторъ сценическихъ произведеній.

Что касается посѣщенія театра, когда въ немъ идутъ образцовыя пьесы, то учебно-воспитательное значеніе этого фактора можно сравнить съ значеніемъ экскурсіи: такое посѣщеніе требуется принципомъ наглядности. Знакомство дѣтей (мы подразумеваемъ здѣсь дѣтей старшаго возраста) съ образцовыми произведеніями въ драматической формѣ никогда не будетъ полнымъ, если пьеса будетъ только прочитана или даже прослушана ими, хотя бы и въ мастерскомъ чтеніи, потому что сущность всякаго сценическаго произведенія заключается въ комбинаціи словесной формы съ дѣйствіемъ и обстановкою, какъ сущность пѣсни — въ комбинаціи словъ и музыки. Съ другой стороны, посѣщеніе театра болѣе плодотворно въ томъ случаѣ, когда дѣти заранѣе, еще въ школѣ, подготовлены къ пониманію пьесы, и когда вынесенныя изъ театра впечатлѣнія углубляются послѣдующимъ анализомъ ².

Безъ соблюденія этихъ условій посѣщеніе театра, а въ особенности частое, можетъ оказаться даже вреднымъ. Дѣло въ томъ, что тѣ добрыя и благородныя чувства, которыя вызываютъ въ зрителяхъ даже вполне нравственныя пьесы, по самой природѣ своей, осуждены на пассивность; зритель ничѣмъ не можетъ помочь страдальцу, котораго онъ видитъ на сценѣ, а между тѣмъ чувство состраданія и участія, возникающее въ зрителѣ при мало-мальски удовлетворительномъ исполненіи, бываетъ довольно интенсивно: пьеса часто способна растрогать зрителей до слезъ.

При такомъ условіи частое посѣщеніе театра, которымъ такъ легко увлекается юношество, вырабатываетъ особый типъ зрителей, легко возбуждающихся и столь же легко успокаивающихся, способныхъ на добрыя чувства, но не на добрыя дѣла. Этого не будетъ, если голосъ чувствъ, возникающихъ въ зрителѣ, регулируется работою интеллекта, если театръ является для его посѣти-

¹ Въ основу статьи положенъ докладъ, прочитанный авторомъ на Съѣздѣ учителей русскаго языка и словесности въ Москвѣ, въ январѣ 1917 года.

² Возможны случаи, когда классныя разборы только отбиваютъ охоту отъ чтенія классиковъ; возможны и такіе случаи, когда исполненіе на сценѣ убиваетъ и хоронитъ пьесу. Мы говоримъ здѣсь, конечно, не о такихъ случаяхъ.

телей не простымъ только сенсационнымъ зрѣлищемъ, но факторомъ умственного развитія. 1 Особенно сильный вредъ, не разъ уже отмѣченный въ печати, способно принести неразборчивое посѣщеніе кинематографическихъ зрѣлищъ, во время которыхъ работа интеллекта сводится до минимума. Подобно тому, какъ для купаній въ рѣчной и морской водѣ, чтобы они были полезными, необходимо соблюденіе извѣстныхъ гигиеническихъ нормъ и правилъ, такія же нормы и правила должны существовать и для посѣщеній театра и кинематографа, если мы хотимъ извлечь изъ нихъ только полезные результаты.

Если посѣщеніе театра, при соблюденіи указанныхъ условій, способно углубить изученіе драматическаго произведенія, то еще въ большей степени можетъ содѣйствовать этому активное участіе въ представленіи. По общему признанію современныхъ педагоговъ, активная дѣятельность является лучшимъ средствомъ познанія для дѣтей и юношества, чѣмъ пассивная. Подготовка къ спектаклю является самымъ естественнымъ поводомъ для ознакомленія какъ съ внѣшними условіями правильной постановки пьесы, съ ея исторической, этнографической и бытовой стороною, съ ея стилемъ и конструкціею, такъ и съ психологіею героевъ пьесы и ея основною идеею.

Если посѣщеніе театра можно сравнить съ экскурсіею въ область драматическаго искусства, то активное участіе въ спектаклѣ можно сравнить съ экскурсіею въ душу героевъ пьесы и ея автора.

Въ отношеніи къ рѣчи, разуучиваніе пьесы можно сравнить съ натуральнымъ методомъ обученія искусству владѣнія рѣчью. Технические упражненія въ управленіи дыханіемъ, паузами, повышеніями и пониженіями голоса, ускореніемъ и замедленіемъ темпа рѣчи, несомнѣнно, полезны, но ихъ роль—чисто служебная, вспомогательная; главное же—умѣнье схватить надлежащій тонъ рѣчи—заключается въ соответствующей настройкѣ нашихъ психическихъ резонаторовъ, которые сами собою начинаютъ звучать въ унисонъ во время работы надъ пьесою, благодаря всей сценической обстановкѣ. Последняя способствуетъ тому, что участники спектакля съ каждою репетиціею все больше и больше отрываются отъ своей личности и перевоплощаются въ героевъ пьесы.

Значеніе спектаклей, какъ наилучшаго средства для усвоенія рѣчи, подмѣчено было уже давно, но втеченіи долгаго времени это средство примѣнялось по преимуществу при изученіи иностранныхъ языковъ: французскаго, нѣмецкаго, латинскаго, греческаго; рѣже всего ставились спектакли учителями русскаго языка и словесности. Обратное мы видимъ въ Англии, гдѣ вошло въ обыкновеніе къ концу учебнаго года разуучивать и ставить съ учениками выпускнаго класса какую-нибудь Шекспировскую пьесу.

У насъ нашлись бы и болѣе доступныя для силъ учащихся пьесы среди произведеній нашихъ лучшихъ писателей (не говоря

1 Подробнѣе говорится объ этомъ въ первой главѣ книги И. Н. Игнатовъ «Театръ и зрители» (М. 1916), первоначально появившейся въ «Русскомъ Богатствѣ» 1902 г. № 12.

уже о переводныхъ, такъ какъ мы обладаемъ многими хорошими переводами какъ западно-европейскихъ, такъ и античныхъ авторовъ); да даже и для дѣтей младшаго возраста можно найти подходящій весьма разнообразный матеріалъ для упражненія въ живой рѣчи. Библейская пьеса, написанная прекраснымъ въ своей простотѣ библейскимъ стилемъ; пьеса изъ семейной жизни, отличающаяся живостью и непринужденностью языка, главная прелесть котораго заключается въ его безыскусственности и непосредственности; сказочная пьеса, написанная красочнымъ, гдѣвучимъ былиннымъ стилемъ; бытовые пьесы изъ народной жизни, блестящіе перлами народнаго остроумія и характерными діалектическими особенностями; мелодрама, говорящая о героическихъ и романтическихъ чувствахъ высокопарнымъ, манернымъ языкомъ, близкимъ сердцу подростковъ—вотъ цѣлый рядъ произведеній совершенно различнаго характера, и, конечно, весьма разнообразныхъ съ эстетической точки зрѣнія. Педагогу придется базироваться не только на эстетическую, но и на генетическую точкѣ зрѣнія. Сущность біо-генетическаго закона заключается въ томъ, что физическіе и психическіе организмы проходятъ въ своемъ развитіи въ сокращенномъ видѣ тѣ же стадіи, которыя были пройдены ихъ предками; поэтому и въ области театра наиболѣе естественный путь ведетъ отъ кукольнаго и тѣневого театра, хороводовъ, танцевъ, пантомимы и импровизированной комедіи къ мелодрамѣ, романтической и психологической драмѣ. Въ книгѣ миссъ Кертисъ, посвященной формамъ проявленія въ дѣтяхъ т. наз. драматическаго инстинкта, къ числу этихъ проявленій причисляется еще «разсказываніе» сказокъ и другихъ произведеній эпической поэзіи. Дѣйствительно, требованія, которымъ долженъ удовлетворять *устный* разсказъ, отличаются отъ требованій, предъявляемыхъ къ произведеніямъ *письменности*, и сближаютъ его съ театральною пьесою, а разсказчика съ актеромъ. Эти требованія вынуждаютъ разсказчика сокращать, дополнять и вообще измѣнять текстъ даже классическихъ произведеній, который обычно считается неприкосновеннымъ. Господствующій у насъ отрицательный взглядъ на всякія сокращенія и пересказы классическихъ произведеній нуждается въ извѣстномъ ограниченіи.

Столь же отрицательный взглядъ существовалъ у насъ до послѣдняго времени и по отношенію къ передѣлкамъ эпическихъ произведеній для сцены. Несомнѣнно, что для такого взгляда имѣются серьезные основанія; тѣмъ не менѣе, что касается школы, то здѣсь дѣло обстоитъ иначе. Достаточно сказать, что методъ «драматизаціи» въ англійскихъ и американскихъ школахъ занялъ настолько прочное положеніе, что о немъ пишутся цѣлыя книги. Недавно одна изъ такихъ книгъ вышла и въ русскомъ переводѣ 1. Здѣсь говорится о примѣненіи метода драматизаціи на урокахъ исторіи, географіи, русскаго языка и даже математики. Первые шаги въ этомъ

1 Х. Финлей Джонсонъ, «Драматизація, какъ методъ преподаванія». Съ англійскаго Р. Ландбергъ. М. 1917. Ц. 50 к. (Библиотека свободнаго воспитанія и образованія и защиты дѣтей. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. СХ).

направлении дѣлаются и у насъ. Въ разныхъ школахъ, приютахъ и колоніяхъ ставятся драматизированныя самими дѣтьми сказки и дѣтскія повѣсти, вроде «Рѣпки», «Макса и Волчка» (Кота-Мурлыки), «Дѣтей подземелья» (Короленко) или «Царя Пузана» (К. Чуковского). Существуетъ даже мнѣніе, по которому съ дѣтьми не стоитъ разучивать никакихъ пьесъ, кромѣ самодѣльных: на нашъ взглядъ, это—такая же крайность, какъ и отрицаніе всякихъ положительныхъ сторонъ за самодѣльными пьесами. И тотъ, и другой методъ имѣетъ свои преимущества и недостатки. А. Ф. Гартвигъ считаетъ драматизацію неизбежною принадлежностью т. наз. «лабораторнаго» метода преподаванія исторіи. Если это такъ, то *драматизація должна стать обычнымъ методомъ преподаванія всякой школы, основанной на трудовомъ началѣ*, т. е. на развитіи въ дѣтяхъ активности и самодѣтельности.

За послѣдніе годы сознаніе выдающагося значенія въ дѣтяхъ драматическаго инстинкта стало настолько общепризнаннымъ, что мы, можно сказать, присутствуемъ при побѣдоносномъ вступленіи идеи дѣтскаго театра на нашу почву. Центральнымъ пунктомъ, въ которомъ до послѣдняго времени сосредоточивалась работа по дѣтскому и школьному театру въ Россіи, была Секція содѣйствія устройству деревенскихъ, фабричныхъ и школьных театровъ при Московскомъ Обществѣ Народныхъ Университетовъ. Эта Секція, функционирующая и теперь, разрабатываетъ какъ теоретическую, такъ и практическую сторону вопроса, работаетъ надъ способами упрощенныхъ постановокъ, занимается разборомъ и оцѣнкою пьесъ и т. д.

Зимой 1916—17 года въ Москвѣ состоялся созданный Секціей первый всероссійскій съѣздъ дѣятелей по народному театру. На этомъ съѣздѣ работала и школьная подсекція, вынесшая рядъ весьма важныхъ резолюцій и, между прочимъ, резолюцію о томъ, чтобы школьный театръ былъ признанъ необходимымъ элементомъ школьнаго обученія и воспитанія; чтобы въ учительскихъ семинаріяхъ, на лѣтнихъ курсахъ для учителей и т. д. введены были курсы по подготовкѣ руководителей дѣтскихъ спектаклей; чтобы Секція обратилась отъ имени съѣзда къ лучшимъ русскимъ писателямъ о созданіи художественнаго репертуара пьесъ для дѣтскихъ спектаклей; наконецъ, чтобы Секціей при первой возможности былъ созванъ въ Москвѣ Всероссійскій съѣздъ дѣятелей по школьному театру. Во время названнаго съѣзда въ Москвѣ состоялось открытіе вновь выстроеннаго театральнаго зданія имени академика В. Д. Полѣнова съ зрительнымъ заломъ, вмѣщающимъ до 300 человекъ, а черезъ годъ, на Рождествѣ 1916—17 года, въ этомъ зданіи начались утренніе дѣтскіе спектакли. На эти спектакли являлись, главнымъ образомъ, учащіеся городскихъ школъ, обыкновенно цѣлыми классами или даже школами. Играли на сценѣ взрослые артисты (тѣ же, которые по вечерамъ играютъ въ этомъ театрѣ для народа) совмѣстно съ дѣтьми, причемъ руководители спектаклей принимаютъ всѣ необходимыя мѣры для того, чтобы

1 Въ концѣ Зоологической улицы.

участіе дѣтей въ этихъ спектакляхъ не носило профессиональнаго и вообще антипедагогическаго характера. Во главѣ школьнаго отдѣла Секціи стоятъ люди, стремящіеся удовлетворить какъ эстетическимъ, такъ и педагогическимъ требованіямъ. Конечно, въ дѣятельности Школьной Секціи, какъ во всякомъ дѣлѣ человѣческихъ рукъ, возможны и недочеты, тѣмъ не менѣе нельзя не воздать ея дѣятелямъ должнаго за благой починъ въ такомъ важномъ дѣлѣ.

Необходимо остановиться на нѣкоторыхъ мнѣніяхъ такъ называемыхъ противниковъ дѣтскаго театра.

Въ нашей педагогической литературѣ такія почтенныя имена, какъ Пироговъ и Вейнбергъ, высказывались противъ дѣтскихъ спектаклей, какъ ведущихъ къ развитію въ дѣтяхъ притворства и тщеславія. Опасеніе, что игра на сценѣ ведетъ къ развитію притворства, основано на явномъ недоразумѣніи: въ сценической игрѣ нѣтъ ни обмана, ни притворства; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ добровольною иллюзіею и переживаніями эстетическаго характера. Для ребенка игра на сценѣ—только дальнѣйшее развитіе дѣтскихъ игръ, большая часть которыхъ носитъ драматическій характеръ. Склонность къ играмъ драматическаго характера настолько обычна въ дѣтяхъ, что заставила педагоговъ признать наличность у дѣтей особаго врожденнаго стремленія, окрещеннаго драматическимъ инстинктомъ. Маститый американскій педагогъ Стэнли Холль говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Драматическій инстинктъ, который обнаруживается... въ необыкновенной любви дѣтей къ театру и кинематографу, и ихъ страсть къ самостоятельному разыгрыванію всевозможныхъ ролей, является для насъ, педагоговъ, прямо открытіемъ новой силы въ человѣческой природѣ; та польза, которую можно ожидать отъ этой силы въ педагогическомъ дѣлѣ, если только мы научимся пользоваться ею какъ слѣдуетъ, можетъ быть сравнимаема развѣ только съ тѣми благами, какими сопровождается въ жизни людей вновь открытая сила».

Вся суть вопроса въ томъ и заключается, чтобы педагоги научились пользоваться этою силою, какъ слѣдуетъ, потому что опасность развитія въ дѣтяхъ-артистахъ тщеславія является не мнимою, а дѣйствительною опасностью. Вотъ, наприм., картинка изъ недавняго прошлаго, являющаяся обобщенною схемою ряда однородныхъ явленій.

Дѣтскій приютъ въ уѣздномъ городишкѣ, содержимый на средства мѣстныхъ богатѣевъ. Начальство приюта устраиваетъ (и уже не въ первый разъ) обстановочный спектакль, съ пѣніемъ, танцами фей и эльфовъ и т. п. аксессуарами. Дѣти давно подмѣтили, что дѣлаются все это не столько для нихъ самихъ, сколько для того, чтобы угодить благодѣтелямъ приюта и заставить ихъ раскопелиться. Главные артисты и артистки, понимающіе, что они могутъ провалить пьесу своимъ отказомъ отъ игры, начинаютъ проявлять капризы и требовательность. Приютское начальство сердится, грозится, но въ концѣ концовъ идетъ на уступки и компромиссы. Все оканчивается къ общему благополучію: устроители спектакля получаютъ благодарность, а главныхъ артистовъ и, въ

особенности артистокъ щедрые покровители приюта осыпаютъ цвѣтами, конфетами и подарками. Разумѣется, что *такая* постановка дѣла можетъ вести только къ деморализаціи. Кто сѣетъ вѣтеръ, пожинаетъ бурю.

Иногда въ ростѣ дѣтскаго тщеславія повинна школа, но чаще—неумѣренныя похвалы родителей и взрослой публики на публичномъ спектаклѣ. Другое дѣло, когда спектакль не выходитъ за предѣлы семьи и школы, когда онъ остается ихъ интимнымъ достояніемъ, и когда семья и школа, дѣйствуя въ полной солидарности, обдумали и ввѣсили всѣ детали постановки.

Лица, впервые съ извѣстной робостью приступающіе къ организаціи дѣтскихъ спектаклей и необладающіе необходимымъ опытомъ, при условіи, если природный тактъ предохранитъ ихъ отъ крупныхъ ошибокъ, обыкновенно бывають поражены достигаемыми результатами. Дѣтскія шалости, проказы, ссоры, капризы куда-то исчезаютъ; работа надъ спектаклемъ поглощаетъ всѣ прочіе дѣтскіе инт ересы. Одинъ изъ педагогическихъ дѣятелей, касаясь жизни дѣтской площадки въ Москвѣ, пишетъ: «Новая полоса въ жизни началась съ этихъ спектаклей. Какъ будто кто-то пробилъ камень, отдѣлявшій ручей отъ земли,—и полился на свѣтъ Божій новый, еще невиданной силы ручей.» Въ конечномъ результатѣ, постановки, созданныя силами дѣтей 10—11 лѣтъ, оказались на столько богаты игрою, содержаніемъ, что своею художественностью они доставляли наслажденіе и дѣтямъ, и взрослымъ.

Лица, давно уже вышедшіе изъ дѣтскаго возраста, съ какимъ-то особенно теплымъ чувствомъ вспоминаютъ школьные спектакли, какъ самые яркіе и радостные моменты своей школьной жизни. Наивныя сказочныя представленія младшаго возраста обладаютъ едва ли не большею привлекательностью, чѣмъ серьезныя постановки старшихъ классовъ. Какая нибудь милая Бѣлоснѣжка или испанскій принцъ очаровываютъ взоръ и слухъ несознаваемою ими самими граціею движеній, живостью мимики и прелестью интонацій. Недаромъ сказка признана въ наше время первоисточникомъ идеализма будущаго взрослого человѣка. Сказка нужна, и притомъ не только дѣтямъ, но и взрослымъ. Чѣмъ окружающая человѣка жизнь безотраднѣе и непригляднѣе, тѣмъ нужнѣе для него сказка. Сказка—это фанатическое осуществленіе нашей мечты о счастья, той самой мечты, которая согрѣла послѣднія минуты умирающей отъ холода и голода андерсеновской «Дѣвочки со спичками». Воспоминаніе о самой простой дѣтской сказочкѣ, въ родѣ сказокъ про гонимую падчерицу, про заботливую сестрицу Аленушку и т. д., предлагаемое намъ на дѣтскомъ спектаклѣ, воскрешаетъ въ нашей душѣ наивную дѣтскую вѣру въ торжество слабаго надъ сильнымъ, обиженнаго надъ обидчикомъ, въ конечную побѣду добра надъ зломъ.

Примѣръ образцовой постановки дѣтскихъ спектаклей далъ Воспитательный дѣтскій театръ въ Нью Йоркѣ, просуществовавшій нѣсколько лѣтъ и закрывшійся вслѣдствіе переутомленія лица, завѣдывающаго этимъ театромъ, и отсутствія продолжателей дѣла. Это былъ театръ въ рабочемъ кварталѣ города, въ которомъ дѣти, под-

ростки и юноши давали спектакли для своихъ сверстниковъ и родителей. Дѣти ставили сказки, подростки—серьезныя вещи, начиная съ шекспировскаго «Сна въ лѣтнюю ночь». Подготовка къ каждой постановкѣ продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ. За это время дѣти еврейско-эмигрантовъ вполне успѣвали освоиться съ правильною англійскою рѣчью, приучались правильно держаться и носить костюмъ (особенно полезны были въ этомъ отношеніи античные спектакли) и т. д. Окрестное население задолго до спектакля интересовалось будущею постановкою и знакомилось съ пьескою заблаговременно (передъ шекспировскимъ спектаклемъ въ этомъ театрѣ было раскуплено огромное количество дешеваго изданія разучиваемой подростками пьесы). Были подмѣнены и другія чрезвычайно интересныя и важныя послѣдствія спектаклей. Оказалось, что театръ можетъ служить богатымъ источникомъ физической и нравственной ортопедіи. Если неряшливый ребенокъ предназначенъ для исполненія роли опрятнаго до щепетильности, невоспитанный и грубый—для исполненія роли джентльмена и т. д., то это является своего рода компенсаціею и коррективомъ дѣтскихъ недостатковъ. Съ другой стороны, если ребенокъ или подростокъ исполняетъ отрицательную роль, то, какъ выражается Стэнли Холлъ, это можетъ повести къ «катартическому» (очищающему) дѣйствию путемъ послѣдующаго освобожденія высшихъ способностей, подавляющихъ дурныя наклонности.

Мнѣ представляется возможнымъ такъ объяснить это явленіе. Въ подростающемъ поколѣннн часто наблюдается стремленіе сбросить съ себя оковы обыденной жизни и отдаться скитальческимъ наклонностямъ и сильнымъ ощущеніямъ. Вотъ этому-то стремленію какъ разъ и даетъ выходъ выступленіе на сценѣ въ какой-либо роли мелодраматическаго злодѣя; исполнитель переживаетъ всю гамму ощущеній, свойственныхъ его роли, вплоть до естественнаго конца ея—общаго презрѣнія и заслуженной кары; вмѣстѣ съ тѣмъ у него пропадаетъ желаніе, быть можетъ, даже болѣзненная потребность извѣстнаго возраста въ перемѣнѣ обычной, кажущейся прѣсною, обстановки.

Этого вопроса, какъ и многіе другіе, связанные со школьнымъ театромъ, требуетъ болѣе детальнаго разсмотрѣнія, обсужденія и проверки.

Изъ личнаго опыта и наблюденій я вынесъ такое заключеніе: главное значеніе дѣтскихъ спектаклей въ томъ, что это—дѣятельность социальнаго характера, при которой личные интересы приносятся въ жертву ради общаго дѣла. Наибольшее воспитательное значеніе имѣетъ здѣсь не столько самый спектакль, сколько періодъ подготовительной работы къ спектаклю. Эготъ періодъ сближаетъ участниковъ спектакля въ тѣсную семью, самый же спектакль сближаетъ зрительный залъ съ участниками спектакля на почвѣ общихъ переживаній. Вообще, театръ мнѣ представляется могучимъ органомъ коллективнаго внушенія. Автора пьесы воодушевила какаибудь идея. Онъ начерталъ планъ (текстъ пьесы—это только конспектъ или схема будущаго сценическаго произведенія), и, руководствуясь этимъ планомъ, режиссеръ и его помощники и сотрудни-

ки—декораторъ, костюмеръ, машинистъ, электротехникъ, музыканты, пѣвцы, танцоры, артисты—всѣ, путемъ предварительной подготовки и тренировки, стремятся къ тому, чтобы ихъ совмѣстная работа покорила зрительный залъ и внушила ему ту самую идею, которая вдохновила автора. Участіе въ такомъ спектаклѣ приподнимаетъ человѣка, наполняетъ его чувствомъ гордости, но самая гордость эта, при нормальныхъ условіяхъ, носитъ коллективный характеръ. Съ этой точки зрѣнія, школьный спектакль является своего рода школою общественной солидарности, средствомъ воспитанія социальныхъ инстинктовъ. Конечно, отъ постановки какой-нибудь простенькой сказочки, инсценированной самими дѣтьми, до работы надъ созданіями мировыхъ гениевъ дистанція огромного размѣра, но сущность дѣла отъ этого не мѣняется. И не даромъ лицо, болѣе или менѣе умѣло устраивающее спектакли съ дѣтьми, принимаетъ въ ихъ глазахъ характеръ какого-то мага и чародѣя, который при помощи волшебной палочки расцвѣчиваетъ тусклою окружающую действительность радужными красками идеала. Эта перспектива, равно какъ и другія положительные стороны дѣтскихъ спектаклей, начинается все въ большей и большей степени сознаваться всеми близко стоящими къ дѣтямъ лицами. Въ виду этого, разработка вопросовъ, связанныхъ съ дѣтскимъ театромъ, является настоятельною потребностью нашихъ дней.

Н. Бахтинъ.

— > * < —

КАКЪ УСТРОИТЬ АНДЕРСЕНОВСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

Въ 1867 году родной городъ Андерсена, Одензе, устроилъ въ честь его празднество: весь городъ былъ разубранъ флагами и гирляндами зелени. Школьники были освобождены отъ занятій. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ. Исполнилось предсказаніе гадалки, которая сказала матери Андерсена (когда послѣднему было 14 лѣтъ): «Будетъ время, что Одензе зажжетъ въ честь твоего сына иллюминацію!»

Два года спустя, въ Копенгагенѣ былъ устроенъ еще болѣе торжественный праздникъ. Комната Андерсена была засыпана цвѣтами и букетами, телеграммы летѣли со всѣхъ концовъ свѣта. А въ 70-ую годовщину рожденія Андерсена, незадолго до его смерти, къ нему явилась депутація, которая прочла адресъ о томъ, что Андерсену будетъ воздвигнутъ памятникъ въ королевскомъ саду.

Гораздо скромнѣе праздновали въ Россіи въ 1905 году столѣтіе со дня рожденія Андерсена. Эту годовщину отмѣтили только журнальными и газетными статьями, да кое-гдѣ рѣчами и докладами.

Теперь, когда дѣтскіе праздники входятъ въ обычай, пора воздать по заслугамъ и Андерсену, устраивая андерсеновскіе дни. Такіе дни въ Америкѣ принято приурочивать ко дню рожденія поетовъ. Андерсенъ родился 2 апрѣля.

Андерсеновскій день—это день сказокъ и цвѣтовъ. Ничего такъ не любилъ Андерсенъ при жизни, какъ дѣтей и цвѣты. Въ свой садикъ

Андерсенъ, будучи уже старикомъ, пересадилъ много лѣсныхъ и полевыхъ цвѣтовъ, распредѣляя ихъ съ такимъ вкусомъ, что каждый производилъ эффектъ. Андерсенъ говорилъ: «Цвѣты очень хорошо знаютъ, что я ихъ люблю: мнѣ стоитъ только сунуть сучокъ въ землю, и онъ тотчасъ пуститъ корни». Незадолго до смерти Андерсенъ рассказывалъ: «Мнѣ снилось, что я лежу мертвый въ виллѣ Ролигхедъ, и что изо всего моего тѣла выростаютъ цвѣты. Я,

будто, говорю: смотрите, вѣдь я не умеръ, а расцвѣтаю, какъ цвѣты весной». Цѣлый рядъ сказокъ Андерсена посвященъ цвѣтамъ. Связать эти сказки съ живыми цвѣтами или инсценировать ихъ при помощи дѣтей въ костюмахъ цвѣтовъ было бы въ духѣ Андерсена.

Дѣти любятъ сказки и другія поэтическія произведенія, но зачастую мало интересуются тѣмъ, кто написалъ эти произведенія. Приблизить къ дѣтямъ самого автора, сдѣлать его для дѣтей живымъ лицомъ—вотъ одна изъ задачъ всякаго праздника, посвященнаго поэту или писателю. Да и самыя произведенія его надо оживить, извлечь ихъ изъ книги, въ которой они хранятся, подобно засушеннымъ цвѣтамъ гербарія.

При жизни Андерсена чтеніе его сказокъ въ театрѣ во время антрактовъ было обычнымъ явленіемъ въ Даніи. Самъ Андерсенъ былъ чудеснымъ рассказчикомъ. Вл. Майновъ (въ «Новостяхъ» 1887 г. № 300) рассказываетъ, что, когда Андерсенъ читалъ свою сказку о стойкомъ оловянномъ солдатикѣ, весь залъ смолкалъ: слышно было, какъ стрекозы шумятъ крылышками въ воздухѣ; дѣтвора вся превращалась въ слухъ... Судя по нѣкоторымъ ноткамъ въ голосѣ Андерсена, можно было думать, что поэтъ самъ когда-то испыталъ мученія солдатика, съ тою только разницею, что онъ былъ сдѣланъ не изъ олова, а изъ крови и нервовъ.

Вл. Майновъ выводитъ изъ этого факта передовое для своего времени заключеніе; именно, онъ говоритъ: «Врядъ-ли кто знаетъ, что сказку можно сказывать такъ, что и Андреевы-Бурлаки и всѣ другіе

Гансъ Христіанъ АНДЕРСЕНЪ,
родился 2 апрѣля 1805 г., † 4 августа 1875 г.

мастера-чтецы окажутся неумѣлыми передатчиками чужихъ произведеній...»

А. Я. Александровъ, авторъ юбилейной брошюры «Великій сказочникъ» (Казань 1906), констатируетъ, что онъ не разъ читалъ и рассказывалъ сказки Андерсена и школьникамъ разнаго возраста и «дѣтямъ улицы» до-школьнаго возраста, и всегда съ успѣхомъ. Особенно нравились дѣтямъ сказки «Гадкій утенокъ» и «Соловей». Маленькая бесѣда, уясняющая, что «Гадкій утенокъ», превратившійся въ «дивнаго лебедя», самъ Андерсенъ, заставляетъ дѣтей заинтересоваться жизнью поэта, и они охотно выслушиваютъ «сказку его жизни». Извѣстенъ фактъ (продолжаетъ А. Я. Александровъ), что произведеніе, разъ прочитанное въ классѣ, школьники второй разъ слушаютъ неохотно. Но Александрову ежегодно въ теченіе почти 10 лѣтъ приходилось уступать настойчивымъ просьбамъ ребяташекъ (въ возрастѣ 9—15 лѣтъ) и прочитывать сказку «Соловей» два, иногда три раза въ теченіе года (безъ волшебнаго фонаря). И каждый разъ тоже вниманіе, то же удовольствіе, словно сказка является въ новой, чарующей красотѣ.

Для того, чтобы постичь тайну передачи андерсеновскихъ сказокъ, надо хорошенько вникнуть въ особенности его стила. По мѣткой характеристикѣ Брандеса, съ тѣхъ поръ какъ Андерсенъ остановился на мысли писать «сказки для дѣтей», онъ рѣшилъ замѣнить общепринятый литературный языкъ свободно устною рѣчью, понятною ребенку. Онъ задался смѣлымъ по тому времени намѣреніемъ—употреблять устную рѣчь въ печати; онъ не хочетъ писать, онъ хочетъ говорить или, скорѣе, онъ предпочитаетъ писать, какъ школьникъ, чтобы только не выражаться по книжному. Писанное слово—бѣдно и одиноко, устное имѣетъ цѣлый штатъ помощниковъ—въ выраженіи губъ, которыми говорящій старается высказать то, о чемъ говорится, въ движеніи руки, которое иллюстрируетъ его рѣчь, въ болѣе протяжномъ или болѣе отрывистомъ, рѣзкомъ или мягкомъ, серьезномъ или комическомъ тонѣ, словомъ, въ движеніи каждаго мускула лица и общей манеры говорить. *Чѣмъ непосредственнѣе то существо, къ которому мы обращаемъ рѣчь, тѣмъ болѣе эти вспомогательныя средства способствуютъ его пониманію.* Всякій, кто рассказываетъ ребенку какую-нибудь сказку, невольно сопровождаетъ свой рассказъ разными жестами и измѣненіемъ выраженія лица, потому что ребенокъ столько же видитъ сказку, сколько слышитъ ее; онъ, почти въ такой же мѣрѣ, какъ собака, обращаетъ вниманіе скорѣе на ласковую или сердитую интонацію, чѣмъ на то, выражаютъ ли самыя слова доброту или гнѣвъ. Поэтому тотъ, кто обращается къ ребенку письменно, долженъ стараться вплести въ свой рассказъ и измѣненіе тона, и неожиданныя паузы, и описательныя жесты, и наводящую ужасъ мину, и указывающую на счастливый оборотъ улыбку, и шутку, и ласкательныя слова; такъ какъ онъ не въ состояніи пропѣть, пропѣсать и нарисовать ребенку извѣстное происшествіе, то онъ долженъ стараться, по крайней мѣрѣ, дать въ своей прозѣ возможно большее мѣсто пѣсенѣ, картинѣ и мимическому движенію, долженъ стремиться къ тому, чтобы все это *замочалось въ его книгѣ «въ видѣ скрытыхъ силъ»*, которыя тотчасъ же выходятъ наружу, какъ

только раскрываешь книгу. Прежде всего, никакихъ иносказаній; все должно быть высказано прямо, выложено, такъ сказать, изъ мѣшка, и не только сказано, но и пробормочено, пропѣто и протрублено.

«Шель солдатъ по дорогѣ: разъ, два! разъ, два!»
И вырванный изъ бумаги трубы трубили: «Тратарата! вонъ онъ, мальчикъ, тратарата!»
«Ишь, какъ дождь барабанить по лопуху», сказала старая улитка: «тромъ-тромъ-тромъ».

Иногда сказка начинается словами: «Вотъ послушай-ка!», которыми сразу приковываютъ къ себѣ вниманіе ребенка. Иногда же въ началѣ стоитъ шутка, сказанная на дѣтскій ладъ! «Солдатъ взялъ да и отрубилъ вѣдьмѣ голову. Вонъ она, лежитъ на землѣ!» Такъ и слышится дѣтскій крикъ, возбуждаемый этимъ краткимъ, но особенно сентиментальнымъ, но за то очень картиннымъ рассказомъ объ убійствѣ. Иногда авторъ прибѣгаетъ къ очень мягкимъ тонамъ, напр.: «Солнышко свѣтило на лентѣ, тучки поливали его дождичкомъ, и это было ему такъ же полезно и приятно, какъ ребенку кукушкѣ и поцѣлуй матери; дѣти отъ этого хорошиють». Всякая мать легко пойметъ, что за этими словами должна слѣдовать небольшая пауза, чтобы дать ребенку тотъ поцѣлуй, о которомъ говорится въ книгѣ, потому что поцѣлуй составляетъ неотъемлемую часть этого мѣста въ сказкѣ.

Но постоянная мысль о молодомъ читателѣ оказываетъ еще болѣе широкое дѣйствіе: поэтъ, въ силу своей гибкости и умѣнья, приспосабливается, отождествляется съ ребенкомъ и до такой степени сживается съ его крутомъ представленій, съ его чисто физическимъ способомъ воспріятія, съ его способомъ мышленія, что изъ-подъ его пера выходитъ, напр., такая фраза: «Самый большой листъ у насъ, пера выходитъ, напр., такая фраза: «Самый большой листъ у насъ, конечно, листъ лопуха; надѣнешъ его на животикъ, онъ точно передникъ, а положишь въ дождь на голову—зонтикъ! Такой большущій этотъ лопухъ!» Это—слова, понятныя ребенку, и притомъ всякому ребенку.

Приведенная нами характеристика Андерсена даетъ цѣлую программу того, какъ осуществить андерсеновскій праздникъ: нужно извлечь на свѣтъ Божій все то, что заключается въ его книгѣ «въ видѣ скрытыхъ силъ», и, прежде всего, замѣнить писанное слово устнымъ, предпочитая рассказываніе чтенію или рецитации. Самое рассказываніе должно производиться такъ, чтобы оно носило, по возможности, драматическій характеръ, т. е. сопровождалось мимикою и жестами.

Несмотря на то, что Андерсенъ стремился замѣнить литературную рѣчь разговорною, писалъ онъ, во всякомъ случаѣ, для чтенія, а не для устнаго рассказа. Устный рассказъ имѣетъ свои требованія, которыя вызываютъ необходимость еще большаго сокращенія и упрощенія. Въ качествѣ примѣра здѣсь дается опытъ приспособленія для рассказыванія сказки Андерсена «О дѣвочкѣ, наступившей на хлѣбъ». Сказка эта, въ виду обилія въ ней дѣйствія и драматичности сюжета, является очень благодарною для рассказыванія, но, въ цѣляхъ большей стройности, авторомъ приспособленія исключень

изъ сказки цѣлый эпизодъ съ Болотницею, замедляющій ходъ дѣйствія, а въ третьей главѣ усиленъ элементъ повторенія. (Указанія относительно приспособленія для разсказыванія можно найти въ книгѣ Брайэнтъ).

Высшею степенью приближенія сказки къ ребенку является инсценировка сказки и передѣлка ея въ пьесу. Инсценировку, съ сохраненіемъ полнаго текста сказки, читатель найдетъ въ «Пастушкѣ и трубочистѣ»; все, введенное въ эту инсценировку режиссеромъ, имѣетъ единственно цѣлью иллюстрацію того, что дается текстомъ сказки, усиленіе создаваемого ею настроенія при помощи зрительныхъ и слуховыхъ (музыкальныхъ) впечатлѣній. Болѣе ответственную задачу ставятъ себѣ тѣ писатели, которые берутся перевести сказку изъ одной плоскости въ другую, превращая ея изъ эпического произведенія въ драматическое (сценическое). Такія приспособленія въ значительной степени являются новымъ произведеніемъ, имѣющимъ общаго со своимъ первообразомъ только одинъ сюжетъ и часто не сохраняющимъ даже основного тона подлинной андерсеновской сказки.

Кромѣ передѣлокъ въ драматическую форму, сказки Андерсена подвергались еще одному измѣненію: онѣ перекладывались въ стихи. Такихъ переложеній мы можемъ назвать довольно много; часть ихъ вошла въ наше изданіе. Даемъ мы ихъ потому, что *подлинныя* сказки Андерсена, которыя и *должны служить основой андерсеновскаго праздника*, по всей вѣроятности, можно найти во всякой библиотекѣ.

Въ виду особенностей андерсеновскаго стиля, весьма важное значеніе имѣетъ качество русскаго перевода его сказокъ.

Лучшій русскій переводъ Андерсена принадлежитъ природному датчанину П. Г. Ганзену; переводъ этотъ сдѣланъ имъ съ датскаго подлинника, совмѣстно съ женою Ганзена, природною русскою, А. В. Ганзенъ. Почти всѣ прочіе русскіе переводы Андерсена сдѣланы не съ подлинника, а съ нѣмецкаго перевода, и подчасъ очень далеко отступаютъ отъ подлинника. Ограничимся двумя примѣрами.

«Ель» (Grannebom). Переводъ Э. Н. Берга въ «Дѣтской книгѣ» А. Н. Плещеева и Э. Н. Берга (М. 1861):

Въ лѣсной долинѣ стояла маленькая елка...

Въ лѣсъ приходили изъ деревни мальчишки, собирать *земляничку и малину*. Они садились въ долинкѣ и говорили, указывая на елку: «*Какая она маленькая, низенькая елка!*»

И елкѣ это было очень досадно.

Переводъ П. И. Вейнберга (1868 г.):

Росла въ одномъ лѣсу *красивая* маленькая елка...

Мало вниманія обращала она на крестьянскихъ дѣтей, прыгавшихъ и шумѣвшихъ вокругъ нея въ то время, когда они выходили въ лѣсъ за ягодами. Часто приносили они полный горшокъ *землянички*, садились подлѣ елки и говорили: «*Какое хорошенькое, маленькое деревцо!*»

Эти слова были для елки невыносимы.

Переводъ А. и П. Ганзенъ:

Въ лѣсу стояла *чудесная* елочка...

Не было ей дѣла и до болтливыхъ крестьянскихъ ребятшекъ, что собирали по лѣсу *земляничку и малину*; набравъ полный корзиночки или нани-

завъ ягоды, словно бусы, на тонкіе прутики, они присаживались подлѣ елочки отдохнуть и всегда говорили:

— *Вотъ славно елочка! Хорошенькая, маленькая!*

Такихъ рѣчей деревцо и слушать не хотѣло.

Живописная подробность о нанизываніи ягодъ, какъ бусы, имѣется въ старомъ переводѣ Трубниковой и Стасовой (1863 г.; послѣднее изданіе 1889 г.), но отсутствуетъ у такого опытнаго переводчика, какъ П. И. Вейнбергъ.

Переводъ Э. Д. Благоднаго (послѣдней фразы):

Дерево не могло не слышать этого (sic).

«Лѣсной холмъ». Переводъ А. и П. Ганзенъ:

Вдругъ къ нимъ припустились во всю прыть два сторожевыхъ, блуждающихъ огонька,—одинъ былъ попроворще и приближалъ первымъ.

Переводъ Э. Д. Благоднаго, обозначенный на обложкѣ, какъ «новый переводъ съ датскаго» («Сказки». М. 1879. Книжка II):

Въ эту минуту вбѣжали въ прыжку два блуждающіе огонька, перегоняя другъ друга; точъ въ точъ какъ Бобчинскій и Добчинскій въ «Ревизорѣ» Гоголя (sic).

Въ переводѣ А. и П. Ганзенъ встрѣчаются отдѣльныя неудачныя выраженія (хотя бы, напр., выше приведенное «къ нимъ припустились во всю прыть»), но, конечно, Бобчинскаго и Добчинскаго у нихъ не встрѣтитъ. Все же сличеніе перевода А. и П. Ганзенъ съ другими переводами иногда бесполезно, и, во всякомъ случаѣ, при такомъ сличеніи ярче выступаютъ преимущества и недостатки cadaго перевода.

Нельзя не указать на одно исключеніе, когда очень вольный переводъ (вѣрнѣе, даже передѣлка) оказался лучшимъ подлинника. Это—переводъ Э. Берга «Пѣсни птички» (Fuglesang), перешедшій въ хрестоматію изъ «Дѣтской книжки» А. Плещеева и Э. Берга. Въ изданіи А. и П. Ганзенъ этой сказкѣ соответствуетъ сказка «Съ крѣпостнаго вала», но сходство ея съ «Пѣсней птички» весьма отдаленное.

Сказки Андерсена даютъ богатый матеріалъ для иллюстрированія ихъ при помощи картинъ волшебнаго фонаря, силуэтовъ, живыхъ картинъ, пантомимъ, макетовъ (игрушечныхъ сценъ или панорамъ); наконецъ, для разрисовыванія программъ. Эскизы для такихъ иллюстрацій можно найти въ иллюстрированныхъ изданіяхъ Андерсена. Самъ Андерсенъ былъ большимъ цѣнителемъ изящнаго. Онъ обладалъ талантомъ устраивать изящно свою обстановку. Его комната имѣла очень нарядный видъ, благодаря безчисленнымъ подаркамъ, полученнымъ отъ друзей и почитателей.

Послѣдніе годы жизни Андерсенъ почти не писалъ новыхъ сказокъ. вмѣсто того онъ занимался отдѣлкой такъ называемыхъ испанскихъ ширмъ, состоящихъ изъ шести половинокъ; онъ наклеивалъ на нихъ, по заранѣе опредѣленному плану, различныя картинки; каждая половинка изображала у него отдѣльную страну свѣта. «Такъ какъ я уже не въ состояніи болѣе писать сказокъ», говорилъ онъ, «то буду ихъ создавать въ другой формѣ». Ширмы эти, по содержанію своихъ картинокъ, находились въ тѣсной связи со сказками Андерсена и служили ихъ нагляднымъ объясненіемъ.

Такимъ образомъ, сдѣлать праздникъ Андерсена живописнымъ и наряднымъ было бы вполне въ духѣ самого Андерсена и его сказокъ.

Въ американскихъ школахъ во время школьных праздниковъ имѣютъ обыкновенно выставлять, въ видѣ плакатовъ, изреченія и афоризмы лица, которому посвящается праздникъ. Такихъ изреченій, афоризмовъ и просто красивыхъ мѣстъ въ сказкахъ Андерсена, можно найти очень много, и отыскиваніе такихъ мѣстъ самими дѣтьми явится очень интереснымъ во многихъ отношеніяхъ опытомъ. Вотъ первый повашійся образчикъ одного изъ такихъ андерсеновскихъ афоризмовъ:

«Доброе и прекрасное не предается забвенію, но вѣчно живетъ въ преданіяхъ и пѣняхъ» («Старая могильная плита»).

БИБЛИОГРАФІЯ. Биографія Андерсена. Самъ Андерсенъ разсказалъ исторію своей жизни въ автобиографіи, озаглавленной «Сказка моей жизни» («Mit livs eventyr»). Сокращенный переводъ ея съ датскаго данъ въ «Собраніи сочиненій» Андерсена, перев. А. и П. Ганзенъ (Спб. 1894.—Изд. 2-е. Спб. 1899 т. IV; тутъ же помѣщены и избранныя письма Андерсена). Было еще нѣсколько переводовъ автобиографіи съ нѣмецкаго (последній по времени—въ «Избранныхъ сочиненій» Андерсена, въ «Русской класной библиотекѣ», изд. И. Глазунова, подъ ред. А. Чудинова. Спб. 1899. Ч. I). Биографическій очеркъ Андерсена дала М. Бекетова въ «Биографической библиотекѣ» Ф. Павленкова (Спб. 1892). Для дѣтей написаны книжки: Е. Сысоевой «Безсмертный творецъ сказокъ» (Изд. Чтальни Народной Школы. Спб. 1898. Раньше помѣщена въ журн. «Родникъ» 1890 г. № 7—8) и А. Алтаева «Великій сказочникъ» (Спб. 1906. Раньше—въ журн. «Дѣтскій Отдыхъ» 1898 г. № 8—11). Ср. еще краткую биографію въ изд. Общества распротр. полезныхъ книгъ «Иностранцы поэты» (Г. Х. Андерсенъ. М. 1901).

Изданія сочиненій и сказокъ. Лучшій и самый полный русскій переводъ—А. и П. Ганзенъ «Собраніе сочиненій» Андерсена (4 т. Спб., 1895.—Изд. 2-е. 1899. Сказки, счетомъ 154, занимаютъ два первые тома). Сюда вошли также (въ т. III) романы, драмы, путевые очерки и избранныя стихотворенія. Последнія имѣются также (въ другихъ переводахъ) въ изд. И. Глазунова и Общества распротр. полезн. книгъ (см. выше). Изъ изданій сказокъ Андерсена, въ переводѣ съ нѣмецкаго, къ числу лучшихъ принадлежатъ: изд. Трубиновой и Стасовой («Сказки». Спб. 1863, последнее изд.—въ 1889 г. Всего 43 сказки.—«Новыя сказки». Съ рис. барона М. Клодта. Спб. 1868.—Еще 47 сказокъ); «Полное собраніе сказокъ»—т. I въ перев. П. Вейнберга (Спб. 1868), т. II—Марта Вовчка (Спб. 1871. Перевѣданы Сытинымъ въ 1903 и 1914 г.г.) и т. III—С. Майковой (Спб. 1885); «Иллюстрированныя сказки», перев. Б. Пороховской. (Изд. Павленкова. 6 кн. Спб. 1893.—2-е изд. 1902); «Избранныя сказки», перев. М. Дялиной (Изд. Губинскаго. Спб. 1896—2-е изд. 1906). Отмѣтимъ еще распределенное по возрастамъ изданіе Кнебеля, подъ ред. Комиссіи по дѣтскому чтенію, въ 3 выпускахъ—по 10 сказокъ для младшаго, средняго и старшаго возраста (М. 1908 и 1916).

Иллюстраціи къ Андерсену. Лучшія изъ русскихъ изданій: «Сказки» съ иллюстр. Ганса Тегнера (перев. А. и П. Ганзенъ. Спб. 1899.—Изд. 2-е. 1900); «Избранныя сказки» съ рис. Н. Живаго (перев. А. и П. Ганзенъ. М. 1906); «Сказки въ пересказѣ для дѣтей» съ рис. В. Робинсона. (Изд. В. Саблина. М. 1916); «Снѣжная королева» съ рис. Пилла (Изд. М. О. Вольфа. Спб. 1890 и 1898); «Соловей» съ рис. Е. Нарбутъ (М. 1913).

Передѣлки сказокъ для сцены. 1) «Двѣнадцать пассажировъ», въ сборн. Н. А. Кирвичицкой «Пять пьесъ для дѣтскаго театра» (М. 1903). 2) «Снѣжная

1 Въ 1849 г. вышла въ переводѣ Влад. Зотова пьеса «Дочь короля Рене» (новое изд. Разсохина—М. 1911), приписанная Андерсену. Это какаля странная ошибка: пьеса эта не Андерсена, а другого датскаго писателя, Генриха Гертца (1798—1870). На сюжетъ этой пьесы, между прочимъ, написана опера Чайковскаго «Юданта».

королева» Н. В. Чехова (изд. Сытина. М. 1903.—Изд. 2-е. 1912); то же А. Чумаченко (шла въ Москвѣ въ 1917 г.). 3) «Принцъ-свинопасъ» въ сборн. Н. А. Попова «Маленькій театръ» (М. 1909.—Изд. 2-е. 1914); «Свинопасъ», О. Ждановой (Изд. театр. библиот. Вейхель. М. 1911); «Принцесса свинопасъ», Элио, съ музык. В. Френберга (шла въ Спб. въ театрѣ З. В. Холмской «Сказка» въ 1909 г.). 4) «Заколдованная принцесса», О. Ждановой (М. 1911). 5) «Огниво, или Солдаты и вѣдьма», О. Ждановой (М. 1911). 6) «Дикіе лебеди», О. Ждановой (М. 1911); то же, В. Фаусекъ (въ «Юной Россіи» 1915 г. № 8—9). 7) «Русалочка», З. Бузаровой (шла въ театрѣ «Сказка» въ 1910 г.). 8) «Иванушка-дурачекъ», О. Ждановой (1912). 9) «Дюймовочка», О. Ждановой (М. 1915). 10) На мотивы Андерсеновскихъ сказокъ, со включеніемъ въ число дѣйствующихъ лицъ самого Андерсена, написана фантастическая пьеса Н. А. Попова «Оле-Лукъ-Ойе, или Андерсеновы сказки» (Изд. журн. «Театръ и Искусство» (Спб. 1911).

Переложеніе сказокъ въ стихи. 1) «Королевское платье», Д. Д. Минаева, «Отеч. Записки. 1868 г. № 10 и сборн. «На перепутьи» (Спб. 1871) и «Пѣсни и са-тиры» (Спб. 1878).—Другая передѣлка подъ заглавіемъ «Мудрый ханъ», Н. Лашиевича, въ «Наблюдатель» 1893 г. № 5. 2) «Княжна на горошникѣ», Л. Трефолева, въ «Отеч. Записк.» 1871 г. № 6 и «Стихотвореніяхъ» (М. 1894). Плагиатъ въ стихотв. Ю. Петрова, «Мое утѣшеніе» (Спб. 1901). 3) «Пульчинель» (мотивъ изъ «Разсказовъ мѣсяца»), А. Майкова, въ «Зарѣ» 1872 г. № 1 и собраніяхъ стихотвореній Майкова. Другая передѣлка, «Поллициель» К. Льдова, въ «Сѣверѣ» 1893 г. № 20 и «Чтецъ-декламаторъ» (Кіевъ 1913, изд. 11-е). 4) «Дѣвочка со спичками», Л. Трефолева, въ «Семьѣ и школѣ» 1873 г. № 3 и «Стихотвореніяхъ» (М. 1894). Другія передѣлки: Е. Бекетовой въ «Семьѣ и школѣ» 1878 г. № 12 и сборникъ «Счастливое парство» (М. 1898). 5) «Фирдуси», И. Сурикова, въ «Дѣлѣ» 1874 г. № 10 и «Стихотвореніяхъ» Сурикова. 6) «На крѣпостномъ валу», В. И. Немировича-Данченко, во «Всемирной Иллюстраціи» 1875 г. т. II. № 5, и «Стихотвореніяхъ» (Спб. 1881—2-е изд. «Стихи». Спб. 1902). 7) «Исторія въ дюнахъ». Сказка, пересказанная въ стихахъ. М. 1876. (Имя Андерсена авторомъ передѣлки не названо). 8) «Мать», Вячеслава (В. Гайдебурова), въ «Нѣдѣлѣ» 1876 г. № 48, «Дѣтскомъ чтеніи» 1894 г. № 8 и «Рождественской звѣздѣ» (сборн., изд. Горбуновымъ—Посадовымъ М. 1895 и послѣдующія изданія). 9) «Сказка о чудной Огнивицѣ», В. Тило, въ «Иллюстрир. Газетѣ» 1876 г. № 8. 10) «Ангель», П. Вейнберга, въ «Воспитаніи и Обученіи» 1881 г. 11) «Маргаритка», Л. Трефолева, въ «Наблюдатель» 1885 г. № 1 и «Стихотвореніяхъ» (М. 1894). 12) «Душа елки», С. Бердьева, въ «Звѣздѣ» 1887 г. № 52.—«Елка», П. Бькова, во «Всемирной Иллюстраціи» 1887 г., т. II. № 26. 13) «Принцесса Эльза», П. Бькова, въ «Нивѣ» 1887 г. № 40 и сборникъ «Посильная помощь» (М. 1906). 14) «Новогодняя сказка», С. Бердьева, въ «Родникѣ» 1890 г. № 1. 15) «Епископъ Олафъ», кн. Д. Цертеллева, въ «Рус. Обзорѣ» 1890 г. № 12 и «Стихотвореніяхъ» (М. 1892 и Спб. 1902). 16) «Дюймовочка» Сказка въ стихахъ, Р. М-ча. (М. 1891). 17) «Разсказъ мѣсяца», К. Льдовъ, въ «Сѣверн. Вѣстникѣ» 1891 г. № 1. 18) «О чемъ разсказывалъ мѣсяцъ», К. Трифонова, въ «Сѣверн. Вѣстникѣ» 1891 г. № 5. 19) «Князь Богоборецъ», А. Коритовскаго, въ «Рус. Бесѣдѣ» 1895 г. и «Черныхъ розахъ» (Спб. 1890). 20) «Тѣнь», К. Фобанова, въ «Книжкахъ Недѣли» 1895 г. № 10 и «Стихотвореніяхъ» (I. Спб. 1896). 21) «Снѣгурь», К. Фобанова, въ «Живописн. Обзорѣ» 1898 г. № 5. 22) «Маленькая русалка», А. Облеухова, въ «Отраженіяхъ» (М. 1898). 23) «Соловей», тамъ-же. Другая передѣлка В. Прозубицкой (Спб. 1911).

Кромѣ того, много разъ переложена въ стихи «Пѣсня птички» (въ пере-дѣлкѣ Ф. Н. Берга); И. Суриковъ. «Птичка и солнечный лучъ» (въ «Дѣлѣ» 1874 г. № 12 и «Стихотвореніяхъ» Сурикова); А. Плещеевъ. «Пѣсня изгнанника» (въ «Игрушечкѣ» 1880 г. № 48; ни вошла ни въ одно собраніе стихотвореній Плещеева); В. Евреинова, то же (въ «Семьѣ и Школѣ» 1881 г. № 11); П. Обнорскій, то же (въ «Дѣтскомъ Отдыхѣ» 1884 г. № 4); С. О. Рокниа, «Грезы узника» (въ «Радугѣ» 1885 г. № 19); М. Блж, «Пѣсня птички» (въ «Игрушечкѣ» 1892 г. № 7); Б. П. Андреевская, то же (въ книжкѣ «Разскажите мнѣ что вибуль и покажите картинки». Спб. 1893); А. Ильяшенко, «Узникъ» (въ «Казанскомъ телеграфѣ» 1893 г. № 244).

Н. Балтинъ.

МУЗЫКАЛЬНОЕ У АНДЕРСЕНА.

Наибольше характерная черта творчества Андерсена—это необыкновенная музыкальность, которою проникнуто все его творчество, и, несомненно, помимо красоты внешней формы его сказок, помимо их мудрого смысла и редкой гармонии между фантастическим и реальным, в сказках Андерсена чувствуется много такого, что мы зовем музыкой. В каждой из его сказок внутренний смысл, то, что скрыто глубоко, и то, что чувствуется и слышится между строк,—это какая то музыкальная линия, какой-то музыкальный нерв, какое-то музыкальное дыхание, которыми обвѣяна вся поэзия Андерсена. Больше того: читая его сказки, хочется вѣрить, что все онѣ вышли и родились из музыки, что написавший их не могъ не любить музыки, не могъ не чувствовать силу музыки, что написавший их исходилъ отъ музыки, и потому все это сказочное творчество, выйдя изъ музыки, должно и вернуться въ ту же музыку. Вотъ почему такъ странно, что Андерсенъ такъ мало, сравнительно, использованъ, такъ мало воплощенъ въ музыкѣ, такъ мало увлекалъ музыкальных авторовъ.

И, несомненно, Андерсенъ ждетъ своего истиннаго музыкальнаго воплощателя, (котораго я представляю либо въ образѣ нашего Лядова, либо француза Дебюсси), и онъ сумѣетъ музыкально воплотить и соединить простоту и изящество андерсеновскаго стиля, тонкость его детализировки, ясность и красоту его формы съ мудростью и глубиной андерсеновской мысли при наличности его наивно-дѣтскаго, чистаго міросозерцанія.

Анатолій Канкаровичъ.

БИБЛИОГРАФІЯ. Больше десятка стихотвореній Андерсена положено на музыку *Григомъ*. Нѣкоторые изъ нихъ переведены на русскій языкъ и изданы въ видѣ романсовъ. Таковы: «Люблю тебя» (около 7 русскихъ изданій), «Сердце поэта» (изд. Гутхойль), «Лѣсная прогулка» («Мой милый другъ» въ «Музыкѣ и пѣннѣ» 1905 г. № 3), «Каріе глазки» (тамъ же, № 4), «Избушка» (изд. Гутхойль; въ изд. Весселя озаглавлено «Норвежская идиллія»), «Лангеландская народная мелодія», но все они по содержанию не подходят для дѣтей. Есть еще музыка *Шуберта* къ стихотворенію Андерсена «Музыкантъ» или «Скрипачъ», переведенному на нѣмецкій языкъ поэтомъ Шамиссо. Далѣе, существуетъ музыка *С. Прокофьева* къ «Гадкому утенку» (для голоса и фортепиано. Нотный магазинъ музыкальнаго издательства. Спб. 1917. Ц. 3 р. 50 к.); здѣсь положенъ на музыку сильно сокращенный композиторомъ текстъ сказки (онъ напечатанъ во второй части нашего изданія); музыка очень сложная и трудная. Существуетъ и опера *И. Стравинскаго* и *С. Митусова* «Соловей» (Сказка въ трехъ дѣйствіяхъ. Изд. Россійскаго Музыкальнаго Издательства. М. 1915). Укажемъ еще на сюиту Алексѣя Архангельскаго (для одного ф.—п.) къ сказкѣ Андерсена «Свинопасъ» (Изд. Б. Решеке М. 1913).

Наконецъ, въ сборникѣ *А. Чертковой* «Мелодія» (Изд. П. Юргенсона, ч. I. М. 1904, п. 40 к.) помѣщена примитивная музыка для пѣнія съ аккомп. ф.-п. къ русскому переводу пѣсенки Андерсена «Пляши, куклолка, пляши» (изъ сказки подъ тѣмъ же заглавіемъ въ переводѣ А. и П. Ганзель); та же пѣсенка во 2-й части того же сборника помѣщена въ переложеніи для двухъ голосовъ.

Н. Б.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Ирина Миклашевская. Дѣтскія пѣсенки. Поев. Игорю Ершову. Первая: Радуга. Слова Натана Венгрова. Артель художниковъ «Сегодня» (Басковъ, 4, кв. 20). 2 нотныхъ страницы. Ц. 1 р. 75 к.

Красивый граціозный текстъ Натана Венгрова трактованъ въ простой, милой, изящной и довольно непосредственной (что очень важно для дѣтскаго усваиванія) музыкѣ въ общемъ удачно. Партія голоса основана на мелодическихъ оборотахъ русскаго пошиба, особенно сказавшагося въ заключительной фразѣ—«радуется радуга», напоминающей выкрики русскихъ торговцевъ. Такая фраза встрѣчается между прочимъ въ одной народной вокальной пѣснѣ А. Т. Гречанинова «Сборщикъ на колоколь». Декламация вокальной партіи правильная, естественная. Слѣдуетъ сдѣлать однако небольшую оговорку. Послѣ первой строфы слѣдовало по смыслу текста (новая мысль и фраза—«У солнышка рученьки—золотые лучики...») сдѣлать паузу, или, еще лучше, пропустить на одномъ сопровожденіи цѣлый тактъ.

Фортепьянное сопровожденіе, съ красивой гармоніей (есть интересныя детали, отличающее изобразительностью: выдержанное la (квинта тональности пѣсень—re majeure) въ постоянномъ движеніи шестнадцатыми живописуетъ дождь—пріемъ простой и вполне достигающій цѣли.

Въ общемъ не шаблонная пѣсня Миклашевской, отмѣченная вкусомъ, вполне пригодна для дѣтскаго пониманія и менѣе для исполненія: трудная модуляція въ заключеніи перваго отдѣла («протянуть рученьки»), а въ ритмическомъ отношеніи (внезапный шестнадцатый, что очень хорошо, какъ композиціи)—заключительная вокальная фраза всей пѣсень: «радуется радуга».

Григорій Тимофеевъ.

Дѣтскія пѣсенки. 1. Къ именинамъ бабушки. 2. Дѣдушкѣ. 3. Валовникъ. 4. Про теленочка. 5. Игра въ телефонъ. Слова и музыка *Григорія Гнѣсима*. Петроградъ. 1917. Цѣна 1 р. Складъ изданія у О. Венцеля, Невскій, 64.

Все пять пѣсенокъ отличаются простотой мелодической линіи, не исключаящей подчасъ характерныхъ изгибовъ, и незамысловатостью фортепьяннаго сопровожденія, граничащей съ бѣдностью. Вокальности большею частью строго выдерживаются въ каждой пѣснѣ и модуляціи встрѣчаются рѣдко, а имѣющіяся модуляціи не трудны для дѣтскаго воспріятія и исполненія.

Въ вокальной партіи, написанной удобно для дѣтскихъ голосовъ, можно было бы однако безъ ущерба для музыкальной выразительности и вовсе избѣгать ходовъ на полутоны, появленіе которыхъ не всегда вызывалось смысломъ текста. Такъ въ пѣсенкѣ № 5—«Игра въ телефонъ» въ послѣдней вокальной фразѣ вмѣсто *mi ♭* возможенъ былъ бы *re ♭*.

Слѣдуетъ здѣсь же попутно исправить встрѣчающуюся въ той же пѣсенкѣ въ среднемъ ея колѣнѣ опечатку (стр. 16, тактъ 9-ый сверху): напечатано *mi ♭*—должно быть *mi ♯*, вызываемый *mi ♭*-моллымъ трезвучіемъ сопровожденія.

Музыка, не отличающаяся ритмическимъ разнообразіемъ, хотя и не монотонная, идетъ къ тексту; она не лишена выразительности, но не оригинальна. Замѣчаются вліянія Кюи и Мусоргскаго, но эти хорошія вліянія случайны: вкусъ автора не безупреченъ и онъ не остается въ ихъ сферѣ, впадаетъ въ банальности и даже подпадаетъ вліянію опереточнаго жанра. Такова пѣсенка № 3—«Валовники», не могущая служить воспитанію музыкальнаго вкуса. Тексты пѣсенокъ вполне пригодны для дѣтей, забавны и интересны, изложены простымъ, образнымъ языкомъ въ стихахъ.

Неудачны первые два стиха первой пьески:

Къ именинамъ бабушки
Мы придумали стишки...

Неправильно ударение на последнемъ слогѣ въ словѣ бабушки и не красива рима къ этому слову—стихи. Неправильно по ударению поставлены эти оба слова и въ вокальной партіи: оба отмѣченные ударения приходятъ на слабый времени такта и поставленный надъ ногами акцентъ этой неправильности исправить не можетъ.

Указанныя положительные качества и недорогая при современныхъ условіяхъ цѣна—1 руб. (за 17 стран.)—выдѣляютъ «Дѣтскія пьески» Григорія Гнѣсина изъ ряда другихъ подобныхъ изданій и позволяютъ рекомендовать ихъ, какъ желательныя для занятій съ дѣтьми. Пьеску «Баловники» можно и вовсе выпустить и не знакомить съ нею дѣтей.

Григорій Тимофеевъ.

Дѣтскій ТЕАТРЪ, издаваемый подъ редакціей Н. Новича.

№ 6 а. Музыка къ пьесѣ «Лѣсная царевна» М. Харкевича.
Цѣна 1 р. 20 к.

№ 6 б. П. А. Карасевъ. «Въ царствѣ Лѣсной царевны». Балетная пантомима. Ц. 3 р. (Складъ «Кадима». Пгр., В. О., 4 линія, 28).

Два новые выпуска «Дѣтскаго театра» изд. подъ редакціей Н. Новича, изъ которыхъ вторая появилась только недавно, чѣмъ и объясняется, въ силу неимовернаго вздорожанія типографскихъ работъ въ послѣднее время, ея высокая цѣна (въ тетрадкѣ всего 8 стран.), имѣютъ прикладную цѣль—дать небольшія, хотя и законченныя по формѣ, музыкальные нумера къ сценическому представленію для дѣтей—пьесѣ М. Харкевича «Лѣсная Царевна», сюжетъ которой происходитъ изъ французскаго. Но сценически народнаго, и въ смыслѣ этнографическомъ, колорита въ пьесѣ въ сущности не имѣется, въ виду чего не имѣлось настоятельной надобности выбирать для нея народныя французскія пѣсни (въ первой тетрадкѣ): прелестную пьеску «Въ вечерній часъ» изъ сборника Шанфлера-Векерленъ, известнаго знатока французской народной пѣсни и замѣчательнаго ея гармонизатора, и «Мальбрукъ въ походъ пустился»—пѣсни, получившей самую широкую популярность, помѣщенной въ изданіи Н. Новича въ двухголосномъ видѣ безъ фортепианнаго сопровожденія. Остальные музыкальные нумера народнаго франц. характера не имѣютъ. И если пьески Г. Пломгофа—«Первые пѣвцы», «Маленькая ласточка» съ ихъ простой, даже примитивной по гармоніи музыкой, вполне доступной для дѣтскаго пониманія и вокальнаго исполненія (если бы потребовалось), носятъ отпечатокъ французской школы, отличаясь граціей, изяществомъ, ясностью, то три нумера (ор. 8) П. А. Карасева—«Сонъ въ лѣсу» (сонъ мальчика, отправившагося въ фантастическое путешествіе на поиски лѣсной царевны), «Танецъ фей», «Танецъ лѣсной царевны» (ординарный вальсъ) и «Общій танецъ» (ординарная мазурка)—вовсе не имѣютъ французскаго характера.

Музыка пьесы П. А. Карасева сложнѣе музыки, наполняющей первую тетрадку (главнымъ образомъ, въ гармоническомъ отношеніи) и, не отступая отъ общихъ классическихъ традицій по формѣ, по мелодической линіи, по недурному вкусу, тоже вполне доступна для дѣтскаго слуха и уразумѣнія.

Обѣ тетради могутъ быть разсматриваемы, какъ самостоятельныя сборники музыкальныхъ номеровъ и, въ такомъ случаѣ, использованы и независимо отъ пьесы «Лѣсная царевна», при чемъ фантастическая пантомима (2-го дѣйствія), къ которой написана музыка Карасева, можетъ быть использована совершенно самостоятельно.

Наиболѣе полезнымъ номеромъ является 5-ый, послѣдній номеръ въ первой тетради—«Одинокій ягненокъ»—хороводная игра—слова и музыка Жака Далькроза. Музыка проста и неоригинальна, но ритмическое разнообразіе въ ней вноситъ оживленіе въ эту «характерную игру», приучая дѣтей къ ритмической смѣнѣ движеній.

Тексты (переводные) Н. Новича отличаются простымъ хорошимъ языкомъ и правильностью удареній въ связи съ музыкой.

Григорій Тимофеевъ.

Анна Валенбергъ. Горный Духъ и Мальчикъ (Старый Тролль съ Большой Горы). Сказка въ одномъ дѣйствіи. Переводъ со шведскаго К. А-на. Съ рисунками («Дѣтскій театр», издаваемый подъ редакціей Н. Новича, № 21). Пгр. 1917. Ц. 50 к. (Складъ Акц. О-ва «Кадима»—Пгр., Вас. Остр., 4 линія, 28).

I. Прелестная, ароматная сказка. Большой цѣности и красоты внутренней смыслъ ея. Написана чистымъ дѣтскимъ языкомъ. Очень занимательна и даетъ превосходный матеріалъ для сценическаго воспроизведенія. Дѣйствующія лица выпуклы и жизненны, несмотря на сказочность дѣйствія.

В. Боричъ.

II. Пьеса по числу дѣйствующихъ лицъ (четыре) и по ситуациіи крайне не сложна и проста, но въ то же время авторъ сумѣлъ въ развитіи дѣйствія достигнуть нарастанія интереса у зрителей или слушателей; каждый новый шагъ дѣйствующихъ лицъ не предусматривается, но ожидается съ интересомъ и нетерпѣніемъ.

Идея пьесы прекрасна: это—нравственная и эстетическая сила добра. Со стороны языка переводъ пьесы не вызываетъ серьезныхъ возраженій.

П. М.

ИЗЪ КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Въ 3—4 книжкѣ новаго и интересно издаваемаго педагогическаго журнала «Педагогическая Мысль» напечатана весьма содержательная статья Н. Соболева: «Дѣтскіе спектакли въ Московскихъ дѣтскихъ клубахъ». Предполагая дать изложеніе этой статьи въ слѣдующемъ выпускѣ, приводимъ здѣсь ея тезисы:

1. Дѣтскіе спектакли оказываютъ громадное влияние по воспитанію ума и воли, нравственнаго и эстетическаго чувства ребенка.
2. Какъ и во всякомъ педагогическомъ дѣлѣ, здѣсь нужна вдумчивость, осмотрительность и плановѣтность.
3. Репертуаръ долженъ соответствовать возрасту, развитію и естественнымъ склонностямъ дѣтей: бытовой, лирической и психологической репертуаръ для старшаго возраста; историческія и этнографическія представленія для средняго и старшаго и—сказочный репертуаръ для всѣхъ возрастовъ.
4. Идея спектакля должна нравиться дѣтямъ, но увлекать и самихъ руководителей.
5. Подготовка къ спектаклю и организація его должны давать возможно большой просторъ самостоятельности и самостоятельности дѣтей.
6. Желательно повтореніе спектакля въ интересахъ полного использованія всѣхъ его воспитательныхъ возможностей.
7. Въ воспитательномъ отношеніи аудитория должна быть близкой, родственной дѣтямъ и во всякомъ случаѣ должна поддаваться воздействию руководителей спектаклемъ.
8. Платность спектаклей допустима, если цѣль сбора во 1-хъ понятна дѣтямъ и во 2-хъ одобряется ими.
9. Въ интересахъ широкаго развитія дѣла дѣтскихъ спектаклей и всесторонняго принципиальнаго освѣщенія всѣхъ вопросовъ съ нимъ связанныхъ, необходимы спеціальныя, этому дѣлу посвященныя организаціи.

1 Журналъ ставитъ своею задачею—разработку вопросовъ по созданію типа единой демократической школы, сильной духомъ общественности и способной дать родинѣ полезныхъ работниковъ въ области какъ умственнаго такъ и физическаго труда. — Подп. ц.: на 12 мѣс. (съ 1 янв. 1918 г.) 21 рубль; для сельскихъ учителей—19 руб. Контора: Петроградъ, Лиговская 55, кв. 6.

ХРОНИКА

При Театральном Отделе Народного Комиссариата по Просвещению учреждены постоянное Бюро и периодически-созываемый Совет Детского Театра и Детских Праздников, в состав которых вошли представители от педагогики, режиссуры и искусства. В задачу Совета и Бюро входят: содействие эстетическому развитию детей путем организации школьных театров, детских спектаклей, концертов и праздников; рецензирование детских театральные пьесы и сборников для детской декламации и пения; организация музея и игрушечного отдела декоративно-сценического значения; издания сборников теоретического и практического характера; организация курсов по руководству детскими спектаклями и праздниками и т. д.

Изъ начинаний Совета и Бюро, открывших свою деятельность в половине мая 1918 г., могут быть отмечены следующие:

1. Детский Театр (открылся 15 июня 1918 г.), стремящийся дать детям младшего и среднего возрастов представления, отвечающие требованиям педагогики и детской психологии. Желая облегчить доступ на спектакли детям всех районов Петрограда и его пригородов, Совет решил не прикрывать этот театр к какому либо определенному помещению, а придать ему характер передвижного театра.

Съ 15 июля по 13 июля спектакли давались по следующей программе:

1. «Стойкий оловянный солдатик» сказка Андерсена (расказанная съ иллюстрациями).—2. «Пастушка и трубочист»—сказка Андерсена въ 4-х картинах, инсценировка Н. Лебедева, съ прологомъ М. Кузьмина, муз. Анатолия Канкаровича; балетъ въ постановкѣ О. О. Преображенской.—3. Басни Крылова (инсценировка): «Два собаки» и «Квартетъ».—4. Детскія пьески Мусоргскаго, Гречанинова и Лядова въ исп. З. Н. Артемьевой.—5. Пантомима соч. К. Ляндау.

Программа второй серии спектаклей (съ 14 по 28 июля) была такова:

1. Сказка о Тролль (чит. Н. А. Лебедевъ). 2. «Горный Духъ и Мальчикъ», пьеса-сказка въ 1 д.—3. Третій актъ изъ «Синей Птицы» Метерлинка.—4. Басни Крылова: «Демьянова уха» и «Объдъ у медвѣдя» (инсценировка съ пѣніемъ; муз. Ребикова).—5. Пантомима, соч. К. Ляндау.

Поставлены оба спектакля режиссеромъ-артистомъ Передвижного Театра Н. А. Лебедевымъ.

Спектакли давались не только на сценахъ театральныхъ помѣщеній, но и на открытомъ воздухѣ—на полянкахъ и въ садахъ при детскихъ площадкахъ, причемъ природная декорация дополнялась лишь необходимыми декоративными приспособками (избушка въ «Горномъ Духѣ» домикъ дѣдушки и бабушки въ «Синей Птицѣ»).

Съ 28 июля въ деятельности Детскаго Театра сдѣланъ перерывъ для подготовительныхъ работъ къ зимнему сезону. Открытіе зимняго сезона предполагается въ октябрѣ.

Въ будущемъ, при изысканіи видовъ и формъ представлений для дѣтей, Советъ намѣренъ удѣлить вниманіе развитію всѣхъ видовъ кукольнаго и тѣневого театра, нынѣ совершенно утеряннаго въ Россіи.

2. Библиотека при Бюро насчитываетъ въ настоящее время свыше 350 пьесъ и вокальныхъ сборниковъ. Въ виду почти полнаго отсутствія на книжномъ рынкѣ детскихъ пьесъ, тѣ изъ нихъ, которыя имѣются въ библиотекѣ болѣе чѣмъ въ одномъ экземплярѣ, выдаются устроителямъ детскихъ спектаклей на домъ. Кроме того Бюро организовало переписку лучшихъ пьесъ, имѣющихся въ библиотекѣ лишь въ одномъ экземплярѣ.

3. Для облегченія справокъ о детскихъ пьесахъ Бюро детского театра работало особое «Листки-характеристики» пьесъ. Листки эти будутъ запол-

няться (на основаніи отзывовъ существующей при Бюро Репертуарно-Редакционной Комиссіи) свѣдѣніями какъ о литературныхъ и художественныхъ достоинствахъ данной пьесы, такъ и о ея особенностяхъ въ смыслѣ сценичности, техники, постановки, числѣ и характерѣ ролей и т. п. Такіе же листки заведены въ Бюро для детскихъ музыкальныхъ пьесъ и сборниковъ для детского пѣнія.

4. Музей при Бюро содержитъ пока незначительное число предметовъ. Предполагаемое содержаніе музея:—наброски костюмовъ и декораций, макеты, костюмированныя куклы, модели кукольныхъ театровъ, маріонетки, вертепъ, петрушка, фотографическіе снимки съ разныхъ постановокъ, афиши, объявленія и т. п.

Лицъ, работающихъ въ детскихъ клубахъ, садахъ и на площадкахъ или ставящихъ спектакли съ дѣтьми и сочувствующихъ начинаніямъ Бюро Детскаго Театра, Бюро проситъ присылать перечисленный матеріалъ, также какъ детские рисунки, стихи, описанія постановокъ праздниковъ, сводки анкетъ о спектакляхъ и т. п. по адресу: Петроградъ, Дворцовая Набережная, 30.

5. Курсы по руководству въ стадіи теоретической разработкѣ. Дабы придать курсамъ практической характеръ, при нихъ предполагается организовать показательный детский клубъ. На курсахъ предполагается преподаваніе следующихъ предметовъ:

А. Общеобязательно: 1) Теоретическія и историческія свѣдѣнія о детскомъ театрѣ; репертуаръ его; о детскихъ праздникахъ; о литературѣ по детскому театру и детскимъ праздникамъ. 2) Методика режиссуры и постановка спектаклей: а) со слушателями курсовъ, б) съ дѣтьми. 3) Техника упрощенныхъ постановокъ. 4) Теоретическія и практическія занятія по эстетической гимнастикѣ (пластика): а) со слушателями и б) съ дѣтьми; 5) Ознакомленіе съ элементами ритмической гимнастики (лишь со слушателями курсовъ).

Б. Факультативно (по специальностямъ): 1) Методика пѣнія и практической занятія по пѣнію: а) со слушателями и б) съ дѣтьми. 2) Методика рисованія и лѣпки а) со слушателями и б) съ дѣтьми.

Кромѣ перечисленныхъ предметовъ могутъ быть частично вводимы чтенія и занятія по вопросамъ, сопрягающимся съ непосредственными задачами курсовъ, какъ-то: по игрушечному дѣлу и кукольному театру (типа петрушки, маріонетокъ, вертепа и тѣневого театра), по выразительному чтенію, по разсказыванію, по фольклору въ примѣненіи къ устройству детскихъ праздниковъ, по психологии и исторіи театра.

6) Въ области издательства Советомъ изданъ первый выпускъ временнаго альманаха «Игра» и приступлено къ составленію второго.

Пьесы для детского театра, имѣющіяся на книжномъ рынкѣ. По справкамъ, наведеннымъ въ петроградскихъ книжныхъ магазинахъ, пьесъ для детского театра почти нигдѣ нѣтъ въ продажѣ. Въ магазинахъ М. О. Вольфа имѣется только «Красная Шапочка» М. Рубцова. Издательство Е. Лавровой и Н. А. Попова, гдѣ имѣлась цѣлая серия пьесъ этого издательства, нынѣ закрыто. Имѣвшіяся въ магазинахъ И. Д. Сытина пьесы П. Соловьевой (Allegro), К. Лукатевичъ и др. распроданы. Въ магазинѣ Яснаго (бывш. М. М. Попова) имѣется еще въ продажѣ сборникъ Н. Коренкаго. Въ книжномъ магазинѣ Н. Морева еще имѣются въ продажѣ пьески «На лѣсной полянкѣ», «Избраніе царя» и «Васильевъ вечеръ». Въ специально театральной библиотекѣ на Троицкой имѣется «Оле-Лукуй Ой» Н. А. Попова (для взрослыхъ исполнителей). Единственное функционировавшее до послѣдняго времени издательство—это «Детскій театр», издаваемый подъ редакцію Н. Новича (Складъ «Калима» — Пгр., Вас. Остр. 4 линия, 28). Изъ 23 выпусковъ этого издательства не имѣются въ продажѣ только № 2 («Работникъ Шабарша»), № 5 («Женихи индійской принцессы») и № 8 («Волшебная свирѣль»), а нѣкоторыя №№ (напр. № 3-а Музыка къ музею восковыхъ фигуръ, и № 6-б, «Въ царствѣ Лѣной царевны») только въ текущемъ году вышли изъ печати. Прибавимъ, что №№ 1, 4, 9, 10, 12 и 16 на исходѣ а №№ 17, 18 и 19 остались въ незначительномъ количествѣ.

ОТРАЖЕНИЯ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АКТЕРА. I

Въ моемъ обращеніи къ дѣтямъ-зрителямъ, передъ каждымъ спектаклемъ „Дѣтскаго театра“, говорилось, между прочимъ, что на сценѣ—„все будетъ настоящее“, а если кто усомнится въ этомъ, тѣ „могутъ придти и потрогать руками“... Послѣ представленія Крыловскаго „Квартета“ на сцену явился мальчикъ лѣтъ 8 съ настоятельной просьбой „потрогать медвѣдя, ослѣ и козловъ“... Пришлось ему сказать, что „ослы и козлы“ ушли домой.

* * *

Были на открытіи дѣтской площадки... Читали сказки, стихи, играли пантомиму... Было очень уютно, мило и непринужденно... Въ антрактѣ дѣтямъ и намъ, актерамъ, предложено было кое-какое скромное угощеніе... Передъ началомъ второго отдѣленія, одна изъ учительницъ, довольная и торжествующая, подходитъ къ дѣвчкѣ, лѣтъ 4-хъ, тоже, повидимому, довольной и торжествующей, и спрашиваетъ ее:

— Что тебѣ больше всего понравилось?

Отвѣтъ былъ очень лакониченъ и картиненъ:

— Конфетка!

Бѣдные актеры!

* * *

Приведенный случай показываетъ ярко, съ какой осторожностью слѣдуетъ производить анкету среди дѣтей... Здѣсь необходимо считаться и съ беспорядочностью ихъ воспріятія, слабымъ развитіемъ ассоціаций идей и съ тѣмъ, что дѣти неизмѣнно перерабатываютъ свойства видѣннаго ими предмета такъ, что форма его принимаетъ иногда фантастическія очертанія, ничего общаго съ дѣйствительностью не имѣющія. Обстановка, среда и лицо, производящее анкету, конечно, неизмѣнно вліяютъ на характеръ анкеты. Дѣти зачастую плохо отрываются отъ настоящаго въ прошедшее. Я не говорю уже, что редакция анкеты съ напечатанными вопросами должна быть особенно тщательна. Въ одной изъ анкетъ былъ, напримѣръ, вопросъ:— „Какое мѣсто въ пьесѣ вамъ особенно понравилось?“ Множество дѣтей на него отвѣтило:— „Второе мѣсто съ краю“ или:— „Ложа передъ сценой“ и т. п.

* * *

Совсѣмъ маленькія дѣти (лѣтъ 3, 4) почти всегда вносили своеобразный переполохъ въ спектакль „Тролля съ Большой горы“... При появленіи „Тролля“ подымался плачъ и раздавались горькія рыданія. Конечно, все это продолжалось одинъ моментъ, и здѣсь любопытно отмѣтить, что ни одинъ изъ плачущихъ не пытался покинуть залъ, или слѣзть съ своего мѣста.

¹ Подъ такимъ заглавіемъ мои очерки печатались въ «Запискахъ Передвижнаго театра». Н. Л.

* * *

Наблюдаль трогательную сценку. Мальчикъ лѣтъ 7-8 бралъ „на руки“ своего братишку, заливающегося горючими слезами, и толково объяснялъ ему, что все это— „по-нарочному“ и— „такъ только“. Ревущій умолкъ, осмѣлѣлъ, а когда на сценѣ „Тролля“ терпѣть неудачу,—мальчуганъ въ восторгѣ подпрыгнулъ на рукахъ у брата, а затѣмъ крѣпко обнялъ его.

* * *

Эта же пьеса вызвала слезы и не у однихъ трехлѣтнихъ дѣтей... Старушка-актриса, играющая „злую троллиху“ расплакалась, на первой репетиціи... „отъ умиленія“.

* * *

Въ дѣтскихъ анкетныхъ листкахъ, собранныхъ послѣ спектакля „Женитьба“, содержится любопытная подробность: дѣти упоминаютъ о двери, „которая захлопнулась“, и о „щели“, въ которую смотрѣли женихи... Дѣло въ томъ, что на сценѣ ни двери, ни мѣста, гдѣ могла бы находиться щель, не было. Постановка пьесы была ультра-условная, построенная на „ширмахъ“. Дверь, щель и т. п. надо было „вообразить“, и актеры—своей игрой, конечно,—давали толчекъ этому воображенію... Для дѣтей это—естественно и реально. А вотъ попробуйте стукнуть ложкой о дно пустой миски, когда вы на сценѣ изображаете объѣдъ... — конечно дѣло! Сейчасъ же раздаются протестующіе возгласы: „не настоящее, не настоящее“.

Въ пьесѣ „Пастушка и Трубочистъ“ протесты вызвалъ, какъ-будто, пустякъ: художникъ сдѣлалъ слишкомъ узкую трубу, за которой прячутся герои сказки. Кончикъ платица пастушки высунулся, чего по ходу пьесы не слѣдовало-бы... Скандаль!

* * *

Между неискушенными взрослыми и дѣтьми въ ихъ воспріятіяхъ театра—большое сходство. У насъ, актеровъ, въ памяти случай съ представленіемъ „Продавца Солнца“ Рашильдъ. Пьеса разыгрывалась подъ открытымъ небомъ,—прямо на камняхъ мостовой. Однажды намъ пришлось выступать передъ огромной массой солдатъ, толпившейся около Царскосельскаго вокзала. Было время какихъ-то выборовъ (не то въ „Совѣтъ“, не то въ „Городскую Думу“). Послѣ представленія, которое имѣло шумный успѣхъ, нѣсколько солдатъ подошли къ актерамъ и просили совѣта, за какую партію имъ голосовать. Мы объяснили, что наше дѣло „поговорить съ ними по душѣ“, а давать совѣты, за кого голосовать, мы не можемъ. Разстались большими друзьями. Свою симпатію къ творцамъ они простодушнo перенесли на людей. Какъ это было свѣтло, хорошо!

Почти такъ же свѣтло, какъ у меня было съ маленькой дѣвчонкой, еще плохо говорившей.—Въ одномъ домѣ я устроилъ нѣчто вродѣ представленія: декламировалъ, рассказывалъ сказки и оперировалъ съ подвижными куклами (би-ба-бо). Дѣвочка молча смотрѣла, а потомъ доврчиво подошла ко мнѣ, потрогала мой пиджакъ, провела крохотной ручкой по лицу; затѣмъ куда-то исчезла и, черезъ нѣкоторое время, принесла мнѣ свои куклы, разломанный комодъ, паяца и... на половину съѣденную палочку сухой пастилы.

* * *

Актеры могут чувствовать себя счастливыми, если им удалось пережить минуты такого необыкновенного слияния со зрителями, какъ было у насъ послѣ представленія „Продавца Солнца“. Но мы, актеры „Дѣтскаго театра“, должны чувствовать себя вдвойнѣ счастливыми: намъ удалось испытать нѣчто, можетъ быть, еще болѣе прекрасное.

И сейчасъ, когда пишутся эти строки, остро сжимается сердце отъ нахлынувшихъ воспоминаній... Яркое голубое небо... густой тѣнистый садъ, пріятный запахъ травы, нагрѣтой солнцемъ... очень много дѣтей, расположившихся на большой лужайкѣ и, наконецъ, наша милая декорация, изображающая домикъ, скромно пріютившійся на фонѣ пышныхъ сиреневыхъ кустовъ...

Началось представленіе сказкой: «Тролля съ Большой Горы».—Я также расположился на лужайкѣ среди дѣтей, въ качествѣ зрителя. (Въ этой пьесѣ я не игралъ). Уже съ первыхъ фразъ дѣйствующихъ лицъ почувствовалось *что-то иное*, какой-то особый колоритъ, безконечно далекий отъ пыльных кулисъ и душнаго зрительнаго зала. Игра артистовъ приняла мягкій—«улыбчивый» характеръ,—движенія сдѣлались шире, интонаціи легче и непосредственнѣе, несмотря на то, что актеры давали большую громкость, чѣмъ обычно. Между зрителями и артистами установилась та чарующая интимность, которая толкаетъ актера на совершенно невѣроятныя для него достиженія, такъ какъ толчки чувствъ, творческаго возбужденія зрителя ужъ слишкомъ сильно налагаютъ краски на переживанія актера. Но самое замѣчательное было дальше... Когда на сценѣ мальчикъ началъ играть съ троллемъ, показавъ свою неустрашимость и простодушіе, и когда, наконецъ, онъ, въ пылу игры, толкаетъ «Тролля» такъ, что тотъ падаетъ,—восторгъ маленькихъ зрителей достигъ высшаго предѣла, и тутъ... я вдругъ, къ своему глубокому удивленію и необычайной радости, вижу, какъ передніе ряды самыхъ маленькихъ (лѣтъ 3, 4, 5) двинулись къ дѣйствующимъ лицамъ въ пьесѣ... Зачѣмъ?!—Конечно, чтобы принять участіе въ игрѣ!.. Пьеса «Тролля съ Большой Горы» превратилась бы въ новую пьесу!.. Да, все это было бы, если-бъ меньше было въ театрѣ «благоразумныхъ», этого бича всѣхъ театралныхъ представленій!—Но «благоразумные» здѣсь нашлись... Раздались окрики: «Куда вы? Тише! Зачѣмъ! Развѣ можно!» и т. п. Все утихло и «приняло надлежащій видъ». Нарушенная было *грань* возстановлена бдительностью болѣе «умныхъ и болѣе старшихъ». Что дѣлать! Спектакль закончился почти обычно. Но настроеніе у актеровъ и, надѣюсь, у зрителей было далеко отъ обычнаго.

* * *

Дѣти на этомъ спектаклѣ были необыкновенно милы: ласкались, очень трогательно провожали насъ, помогали намъ укладывать, вещи, всячески старались показать намъ свое вниманіе и любовь...

Здѣсь я обратилъ вниманіе на одну дѣвочку лѣтъ 8—9. Ея театралный инстинктъ былъ, по-видимому, раздраженъ до крайней степени... Она нѣкоторое время энергично ломала и продѣлывала разные выкрутасы съ прутомъ, а затѣмъ рѣшительно подошла къ учительницѣ съ просьбой «сейчасъ же начать репетицію спектакля» (въ школѣ предполагался спектакль съ участіемъ дѣтей).—Это «сейчасъ же» любопытно тѣмъ, что дѣти, казалось бы, должны были устать отъ довольно длительного напряженія, потраченного на только-что разыгранный предъ нимъ спектакль. *Н. Лебедевъ.*

ИЗЪ ЖИЗНИ ДѢТСКОЙ ПЛОЩАДКИ.

(Огрывокъ изъ дневника).

27 июля 1918 г.

... Читала дѣтямъ вчера „Страхи школьниковъ“; ¹ пьеса произвела на нихъ большое впечатлѣніе. Желавшихъ участвовать въ этой пьесѣ оказалось больше, чѣмъ дѣйствующихъ лицъ. Съ трудомъ удалось мнѣ успокоить ихъ.

— И я, и я! Меня!—сыпались восклицанія со всѣхъ сторонъ.

Пробовала уже репетировать.

Пока трудно предвидѣть, что у насъ получится, но думаю, что живо и естественно пройдетъ сцена свободнаго урока, когда дѣти одни въ классѣ. Здѣсь всѣ на своихъ мѣстахъ, и сценка идетъ очень живо.

Боюсь только, какъ бы они не перешли границу.

Трудно будетъ, я думаю, приучить ихъ къ тому, чтобы они не увлекались игрой и помнили, что надо дѣлать. Попробую.

Я всячески стараюсь избѣгнуть хотя-бы малѣйшаго повода для зависти со стороны дѣтей и потому назначаю пока на роли безъ разбора всѣхъ желающихъ, а когда роль кому-нибудь не удастся, я предлагаю имъ мѣняться ролями добровольно. Чувствуется, что это имъ не совсѣмъ пріятно. У болѣе интеллигентныхъ дѣтей есть уже стремленіе играть „главную“ роль.

Самый способный 10-ти лѣтній Б. спросилъ:

— А у кого главная роль?

Ему-то и слѣдовало бы дать „главную“, болѣе живую по содержанію. Но я такъ боюсь, чтобы у насъ не получилось закулисной жизни въ миниатюрѣ.

Впрочемъ, дѣти эти, слава Богу, не настолько воспитаны, чтобы скрывать свои чувства. Все обнаружится...

* * *

... Изъ всѣхъ пьесъ этого сборника ² мнѣ болѣе понравилась—„Путешественники“. Тутъ такъ живо изображена психологія дѣтей, что дѣйствующія лица сразу заинтересовываютъ маленькихъ слушателей и невольно заставляютъ ихъ жить вмѣстѣ съ ними.

По просьбѣ дѣтей, я читала эту пьесу вслухъ 2 раза подрядъ. Чтеніе часто прерывалось у насъ непосредственнымъ дѣтскимъ смѣхомъ. Мечтаю пріобрѣсть этотъ сборникъ въ собственность.

Что касается отношенія дѣтей къ пьесамъ этого сборника, могу сказать слѣдующее: охотно слушали всѣ пьесы, особенно же понравились двѣ—„Тима боленъ“ и „Путешественники“, причемъ симпатія дѣтей старшаго возраста на сторонѣ „Тимы“, младшаго—на сторонѣ „Путешественниковъ“.

Р. С. За два мѣсяца моего пребыванія на дѣтской площадкѣ ни одинъ сборникъ дѣтскихъ пьесъ еще не пользовался такимъ успѣхомъ у дѣтей, какъ этотъ. Вѣроятно, потому, что такая психологія дѣтей близка имъ очень. Хочу поставить „Тима боленъ“ и „Путешественники“.

Б. Ф.

¹ Пьеска соч. Н. Самовичъ («Дѣтскій театр» Н. Новича № 23). Ц. 1 р. 20 к.

² «Школьный театр» И. С. Ломакина. Книг-во К. И. Тихомирова. М. 1914 г. Ц. 40 к.

кольномъ театрѣ начинается переполохъ,—слѣдуютъ слова пастушки: «Ай! Идетъ старый китаецъ». Быстро задергивается маленькій занавѣсъ.—Дальнѣйшее дѣйствіе этой картины идетъ на просцениумѣ. Въ это время въ маленькомъ театрѣ все готовится для слѣдующей картины: ставится «труба» и сидитъ «города».—Послѣ словъ сказочника: «трубочистъ и пастушка направились къ печкѣ»—слѣдуетъ небольшая пауза, гасится весь свѣтъ и начинается музыка,—слѣдуютъ слова сказочника: «стали подыматься по трубѣ» и т. д. Идетъ маленькій занавѣсъ. Сначала ничего не видно. Затѣмъ, сообразуясь съ нарастающимъ въ музыкѣ, увеличивается лунное освѣщеніе. При словахъ: «наконецъ они добрались до края трубы»—дается полный «лунный свѣтъ». Музыка иллюстрируетъ ту величественную картину, которая открылась передъ пастушкой и трубочистомъ. Со словами «пастушка никогда не думала, что свѣтъ такъ великъ»—музыка прекращается. Слѣдуетъ мимическая игра пастушки и трубочиста. Послѣ небольшой паузы начинается гнѣзная, тоскующая музыка со словами: «она склонила голову и т. д.»—Слова сказочника: «трубочистъ сталъ ее уговаривать и т. д.» актеры иллюстрируютъ мимической игрой. Послѣ словъ: «а не слѣдовало бы», свѣтъ постепенно гасится и дается маленькій занавѣсъ.—Слѣдуетъ небольшая пауза; дается синій (ночной) свѣтъ; на просцениумѣ изъ-за кулисъ появляются пастушка и трубочистъ, робко и устало ступая. Останавливаются около маленького занавѣса и прислушиваются. Всканиваютъ на рампу и заглядываютъ на сцену, чуть раздвинувъ занавѣсъ.—Съ соответствующими словами «сказочника», парочка скрывается за занавѣсомъ, закрывъ его за собою.—Дается полный бѣлый свѣтъ. Начинается музыка, повторяя тему первой картины. Черезъ нѣсколько тактовъ дается маленький занавѣсъ. Все въ прежнемъ положеніи. Слѣдуютъ соответствующіе такты въ музыкѣ, когда пастушка и трубочистъ приходятъ въ движеніе.—Теперь ясно видны и козлоногъ. Въ шкафу прорѣзано отверстіе, куда актеръ вставляетъ свое лицо, загримировавъ его соответствующе общему тону шкафа. Говоритъ козлоногъ однотонно и хрипло. Послѣ словъ сказочника: «Козлоногъ ждалъ отвѣта»—пастушка и трубочистъ оборачиваются въ сторону китаецъ. Слѣдуетъ пауза. Затѣмъ начинается мажорная музыка, рисующая счастье двухъ влюбленныхъ. Пастушка и трубочистъ принимаютъ свои обычные позы, и слѣдуютъ заключительныя слова сказочника на фонѣ музыки. Идетъ большой занавѣсъ.

Н. Л.—съ.

Состоящее при Театральномъ Отдѣлѣ Народнаго Комиссариата по Просвѣщенію «Бюро дѣтскаго театра и дѣтскихъ празднествъ» обращается къ руководителямъ дѣтскихъ площадокъ, клубовъ, садовъ, а также къ школьнымъ учителямъ и учительницамъ съ просьбой присылать (по адресу: Петроградъ, Дворцовая Набережная, 30) программы дѣтскихъ спектаклей, вечеровъ, утръ, концертовъ, праздниковъ, въ особенности съ дѣтскими рисунками, орнаментовкой и т. п., а также описанія постановокъ спектаклей, игръ, хороводовъ, тексты пьесъ, инсценировокъ и драматизаций, экземпляры дѣтскихъ журналовъ, рисунковъ костюмовъ, эскизы декораций и т. д., не стѣсняясь формою изложенія. Весь подобнаго рода матеріалъ имѣетъ быть помѣщенъ въ музей дѣтскаго театра и дѣтскихъ празднествъ, учреждаемомъ при Бюро, а частію использованъ для «ИГРЫ».

№ 1.

1918 г.

СОДЕРЖАНІЕ.—Пастушка и Трубочистъ. Сказка въ 4-хъ картинахъ.—Цвѣты маленькой Иды. Сказка въ 3-хъ картинахъ.—Сказки: Ленъ — Дѣвочка, пастушья на хлѣбъ. Сказка для рассказыванія.—Гадкій Утенокъ. Сказка для декламации.—Сказка о Морковкѣ.—Избранныя сказки Андерсена въ стихотворныхъ переложеніяхъ русскихъ поэтовъ.—Стихотворенія Андерсена въ переводахъ русскихъ поэтовъ.—Дѣтство Андерсена. П. М.—Зимой. Стих. Н. Ашуккина.

Нотное приложение: «Въ вукольномъ театрѣ». Муз. А. Канаровича.

ПАСТУШКА и ТРУБОЧИСТЪ.

Сказка Андерсена,

инсценированная для дѣтскаго театра, въ 4 картинахъ.

Дѣйствующія лица:

Пастушка.		Старый Китаецъ.
Трубочистъ.		Козлоногъ.
		Сказочникъ.

ПРОЛОГЪ КЪ СКАЗКѢ 1

Сказочникъ. Вотъ, молодые господа, сегодня я пришелъ сюда, чтобъ показать, и рассказать, и всячески собой занять. Я—старъ, конечно,—вамъ не пара, но всетаки доверьтесь мнѣ: вѣдь часто то, что слишкомъ старо, играетъ съ дѣтствомъ наравнѣ. Что близко, то позабываю, что далеко, то вспоминаю,—и каждый день, и каждый часъ приводитъ новый мнѣ рассказъ... Я помню дѣтское окошко и ласку материнскихъ рукъ, клубкомъ играющую кошку и нянькинъ расписной сундукъ...—

Написанъ М. Кузминимъ.

1 (39)

3

Какъ спать тепло, свѣтло и сладко,
когда въ углу горитъ лампадка
и звонко такъ издалека
несется пѣнье пѣтуха!
И все ясна съ каждымъ годомъ
я вспоминаю старый домъ,
и въ домѣ комнату съ комодомъ,
и спинки стульевъ подъ окномъ...
На подзеркальничкѣ—пастушка,
голубоглазая вострушка,
а рядомъ, глянецвить и чистъ,
стоитъ влюбленный трубочистъ.
Имъ строго (рожа-то не наша!)
китайскій кланялся папаша,
со шкапа же глядѣла гордо
урода сморщенная морда.

Вѣрьте, куклы могутъ жить,
двигаться и говорить,—
могутъ плакать и смѣяться;
но на все же свой есть часъ,
и живутъ они безъ насъ,
а при насъ всего боятся.
Какъ лягутъ все въ постель,
тараканъ покинетъ щель,
заскребуть тихо мыши,—
вдругъ зардѣетъ краска щекъ,
разовьется волосокъ,
куклы вздрогнуть... Тише, тише!...
Отъ игрушекъ шкапикъ—кракъ!...
Деревянный мягче фракъ,
изъ фарфора легче юбки...
Все коровы вразъ мычатъ,
егеря въ рога трубятъ,
къ потолку вспорхнутъ голубки.
Смѣхи, писки, трескъ бичей...
Ярче елочныхъ свѣчей
генераловъ эполеты...
Гусаръ, саблей не греми!—
За рояль бѣжить Мими,
вертять спицами кареты..

Теперь смотрите лучше, дѣти,
какъ плутоваты куклы эти:
при насъ, какъ мертвыя, сидятъ,
не ходятъ и не говорятъ...
Но мы на зло, повѣрьте, имъ
все хитрецовъ перехитримъ...
Перехитримъ, да и накажемъ,—
все шалости ихъ вамъ покажемъ.

* * *
Давно ужъ солнце закатилось,
сквозь шторы свѣтится луна;
вотъ няня на ночь помолилась,
спокойнаго желаетъ сна...
Погасла лампа ужъ у папы,
уходить и служанка спать,
скребуться тоненькія лапы
мышать о нянину кровать.
Трещить въ столовой половица...
И мнѣ, и вамъ, друзья, не спится!...
Чу... Музыка... иль это сонъ?
Какой то онъ? Какой то онъ?

Картина первая.

(Сцена раздѣлена на два плана. Оставленъ большой просцениумъ. Въ глубинѣ помѣщается особая, маленькая сцена, гдѣ и происходитъ почти все дѣйствіе сказки. Иногда оно переносится на просцениумъ).

Сказочникъ. Видали вы когда-нибудь старинный деревянный шкафъ, почернѣвшій отъ времени и сплошь изукрашенный вырѣзанными по дереву листьями, цвѣтами и разными завитушками? Вотъ такой-то шкафъ и стоялъ въ одной комнатѣ. Онъ перешелъ по наслѣдству отъ прабабушки. Весь онъ былъ покрытъ рѣзными тюльпанами и розами, а посерединѣ выдѣлялось рѣзное изображение человѣка во весь ростъ. Нельзя было безъ смѣха смотрѣть на этого человѣка! Онъ преуморительно скалилъ свои зубы; ноги у него были козлиныя, на лбу торчали маленькіе рожки, а борода спускалась чуть не до пояса. Дѣти, жившія въ этой комнатѣ, называли его: оберъ-унтеръ-кригскомандиръ-генераль-сержантъ Козлоногъ. Трудно и выговорить это такое названіе, и немногіе могутъ получить такой большой чинъ. Но, вѣдь, и вырѣзать изъ дерева такого человѣка стоило немалого труда, а вотъ вырѣзали же!

Козлоногъ, стоя спиной къ своему шкафу, постоянно поглядывалъ на хорошенькую маленькую пастушку. Она была фарфоровая и стояла на столѣ совсѣмъ недалеко. Башмачки у ней были позолочены, на платьѣ красовалась пунцовая роза, а на головѣ золотая шляпка; и ко всему этому она держала въ рукахъ пастушій посохъ. Просто чудо что это была за фигурка!

Рядомъ съ нею на томъ же столѣ стоялъ маленькій трубочистъ,—черный, какъ уголь, но впрочемъ—тоже изъ фарфора. Онъ былъ такой же чистенькій и миленькій, какъ всякая фарфоровая статуетка: вѣдь онъ только представлялъ трубочиста, и мастеръ могъ бы вмѣсто него сдѣлать принца—не все ли равно? Онъ премило держалъ въ рукахъ свою лѣсенку. Лицо у него было бѣлое, а щеки розовыя, какъ у барышни. По правдѣ сказать, это ужъ была ошибка со стороны мастера: лицо у трубочиста могло бы быть и почернѣе...

Трубочистъ стоялъ рядомъ съ пастушкой: какъ ихъ поставили, такъ они и стояли. Стояли, стояли да и обручились. Парочка была самая подходящая; оба были молоды, оба сдѣланы изъ одного и того же фарфора и оба одинаково хрупки.

Тутъ же неподалеку была еще одна фигура,—тоже изъ фарфора, но только гораздо больше пастушки и трубочиста. Это былъ старый китаецъ, который могъ кивать головой. Онъ выдавалъ себя за дѣдушку маленькой пастушки, но едва ли могъ бы это доказать... Какъ бы то ни было, онъ былъ убѣжденъ, что надъ пастушкой онъ имѣетъ власть. За пастушку сватался оберъ-унтеръ-кригскомандиръ-генераль-сержантъ Козлоногъ. Китаецъ кивалъ ему своей головою и такъ говорилъ пастушкѣ:—

Китаецъ. Вотъ такъ мужъ у тебя будетъ! Я даже думаю, что онъ изъ краснаго дерева! Ты будешь оберъ-унтеръ-кригскомандиръ-генераль-сержантшей! У него полный шкафъ серебра, а сколько еще добра въ секретныхъ ящикахъ!..

Пастушка. Я не хочу въ темный шкафъ! Говорятъ, тамъ у него уже есть одиннадцать фарфоровыхъ женъ.

Китаецъ. Такъ ты будешь двѣнадцатою! Сегодня въ ночь, какъ только треснетъ въ старомъ шкафу, мы сыграемъ вашу свадьбу. Да, да! Не будь я китаецемъ!

Сказочникъ. Тутъ китаецъ кивнулъ головою и заснулъ. Пастушка плакала и смотрѣла на своего милаго трубочиста.

Пастушка. Знаешь, о чемъ я попрошу тебя? Вѣжимъ, куда глаза глядятъ! Тутъ намъ нельзя оставаться!

Трубочистъ. Я сдѣлаю все, чего ты хочешь. Уйдемъ скорѣе! Надѣюсь, что я смогу прокормить тебя своимъ ремесломъ.

Пастушка. Только бы намъ удалось спуститься со столика. Я не успокоюсь, пока мы не будемъ далеко-далеко отсюда.

Сказочникъ. Трубочистъ всячески успокаивалъ пастушку и показывалъ, какъ ей ставить ножки, чтобы спускаться по его лѣсенкѣ. Скоро они очутились на полу. Но, взглянувъ вверхъ, на старый шкафъ, они увидѣли, что тамъ поднялась тревога. Оберъ-унтеръ-кригскомандиръ-генераль-сержантъ Козлоногъ вдругъ повернулъ голову и крикнулъ старому китаецу:

Козлоногъ. Бѣгутъ! Бѣгутъ!

(Занавѣсь маленькаго театра).

Сказочникъ. Пастушка и трубочистъ страшно перепугались. На полу, около окна стоялъ дѣтскій кукольный театръ: они поскорѣе туда,—и спрятались.

Картина вторая.

(До поднятія занавѣсь слышна музыка. Пастушка и трубочистъ появляются на просценіумъ изъ-за кулисъ, взлѣзаютъ на рампу маленькаго театра и отдергиваютъ занавѣсь).

Сказочникъ. Въ кукольномъ театрѣ шло представленіе. На сценѣ изображались страданія влюбленной парочки, которую хотѣли разлучить. Пастушка заплакала: вѣдь, это была точь въ точь ихъ собственная исторія.

Пастушка. Нѣтъ! Я не въ состояніи этого вынести. Уйдемъ отсюда!

(Слышны шаги стараго китаейца. Въ кукольномъ театрѣ начинается паника. Быстро идетъ занавѣсь. Пастушка и трубочистъ испуганно соскакиваютъ съ рампы на просценіумъ).

Пастушка. Ай! Идетъ старый китаецъ!

Сказочникъ. Пастушка вскрикнула и упала на свои фарфоровыя колѣни: такъ велико было ея отчаяніе.

Трубочистъ. Погоди! Я придумалъ. Видишь, вонъ тамъ въ углу, большую вазу съ сухими цвѣтами и душистыми травами? Подѣземъ туда! Мы будемъ лежать на розахъ и лавандѣ. А если китаецъ подойдетъ къ намъ, засыплемъ ему глаза солью!

Пастушка. Нѣтъ это не годится! Я знаю, старый китаецъ и ваза были когда-то помолвлены. Ну, а въ такихъ случаяхъ надолго сохраняются добрыя отношенія. Нѣтъ! Намъ остается только одно, пуститься по бѣлу свѣту, куда глаза глядятъ!

Трубочистъ. А у тебя хватитъ мужества идти за мною всюду? Подумала ли ты, какъ великъ свѣтъ? Подумала, ли что намъ ужъ нельзя будетъ вернуться назадъ?

Пастушка. Да, да.

Сказочникъ. Трубочистъ присгально посмотрѣлъ на пастушку и сказалъ:—

Трубочистъ. Моя дорога идетъ черезъ печную трубу. Хватитъ ли у тебя духу лѣзть за мною въ печь и потомъ пробираться по трубѣ, черезъ всѣ изгибы и повороты? Тамъ-то ужъ я знаю, что намъ дѣлать! Мы заберемъ такъ высоко, что насъ не достать. А на самомъ верху у трубы есть отверстіе; черезъ него можно выбраться на бѣлый свѣтъ.

Сказочникъ. Трубочистъ съ пастушкой направились къ печкѣ и стали подниматься по трубѣ, въ которой было темно, какъ ночью...

(Спитъ гаснетъ).

1 Откуда взялась соль въ вазѣ съ сухими цвѣтами? На это пусть отвѣтитъ Воробьяхъ въ сказкѣ Андерсена «Сосѣди»; вотъ что говоритъ эта непозитичная особа: «Розы служатъ, вѣдь, только для вида да для запаха, много, много для украшенія шлицы. Я слышала отъ моей матери, что онъ каждый годъ опадаютъ, и тогда жена крестьянина собираетъ ихъ и пересыпаетъ солью, при чемъ онъ получаютъ уже какое-то французское имя—я не могу его выговорить,—да и не нуждаюсь въ этомъ».

Ред.

Картина третья.

(Музыка. Открывается занавесъ. Ничего не видно. Откуда-то издалека слышится голосъ пастушки.)

Пастушка. Какъ тутъ темно!

Трубочистъ. Ну, вотъ мы и въ трубѣ.

(Чуть начинается проясняться. Показывается звѣздочка.)

Трубочистъ (его еще не видно). Смотри, смотри надъ нами сияетъ звѣздочка!

Сказочникъ. И въ самомъ дѣлѣ—на небѣ прямо надъ ними сіяла звѣзда, точно указывая имъ дорогу. А они взбирались все выше и выше. Дорога была ужасная... Но трубочистъ поддерживалъ пастушку и указывалъ, куда ей удобнѣе и лучше ступать фарфоровыми ножками. Наконецъ, они добрались до края трубы.

(Почти прояснилось. Пастушка и трубочистъ появляются на краю трубы. Становится совсѣмъ светло.)

Сказочникъ. Тутъ они усѣлись, потому что очень устали. Да и было отчего!.. Надъ ними было небо, усѣянное звѣздами, а подъ ними—крыши всего города. Съ этой высоты глазамъ ихъ открывались далекия окрестности. Бѣдная пастушка никогда не думала, что свѣтъ такъ великъ. Она склонилась головою на плечо милаго трубочиста и заплакала. Слезы катились ей на грудь, смывая позолоту съ ея пояса.

Пастушка. Нѣтъ, это уже слишкомъ! Этого я не вынесу! Свѣтъ черезчуръ великъ. Ахъ, если бы опять стоять на своемъ столикѣ. Я не успокоюсь, пока не вернусь туда! Я пошла за тобою, куда глаза глядятъ, а теперь проводи меня обратно, если ты меня любишь!

Сказочникъ. Трубочистъ сталъ ее уговаривать. Напоминалъ ей про стараго китайца, про оберъ-унтеръ-кригскомандиръ-генераль-сержанта Козлонога... Но она только рыдала и крѣпко цѣловала своего милаго трубочиста. Что ему оставалось дѣлать? Пришлось уступить: а не слѣдовало бы!..

И вотъ они съ большимъ трудомъ стали спускаться по трубѣ обратно, пока не добрались, наконецъ, до выхода изъ печки.

(На сценѣ дѣлается темно.)

(Занавѣсъ маленькаго театра.)

Картина четвертая.

(Пастушка и трубочистъ появляются изъ-за кулис на просцениумѣ и остаются у закрытаго занавѣса.)

Сказочникъ. Пастушка и трубочистъ не открывали дверцы изъ темной печки въ комнату, но остановились и стали прислушиваться: что творится въ комнатѣ? Тамъ было тихо. Тогда они рѣшили заглянуть.

(Заглядываютъ, чуть раздвигая занавѣсъ.)

Трубочистъ. Ай! старый китаецъ лежитъ на полу! Навѣрно, онъ свалился со столика, когда пустился въ погоню за нами. Смотри:

онъ разбился на три части! Спина у него отскочила, а голова укатилась въ уголъ.

Сказочникъ. А оберъ-унтеръ-кригскомандиръ-генераль-сержантъ стоялъ по прежнему на своемъ мѣстѣ и о чемъ-то раздумывалъ.

Пастушка. Ахъ, какой ужасъ! старый дѣдушка разбился въ куски! И мы этому виною... Ахъ, я не переживу этого!

Сказочникъ. Пастушка заломила свои крошечныя ручки.

Трубочистъ. Его можно починить! Его отлично можно починить! Ты только не волнуйся. Спину ему приклеятъ, а въ затылокъ вобьютъ хорошій гвоздь. Дѣдушка будетъ совсѣмъ, какъ новый, и еще надѣлаетъ намъ много неприятностей.

Пастушка. Ты думаешь?.. Только бы дѣдушку починили! Или это очень дорого обойдется?

Сказочникъ. Пастушка и трубочистъ вошли въ комнату и тамъ вскарабкались на столикъ, гдѣ стояли прежде.

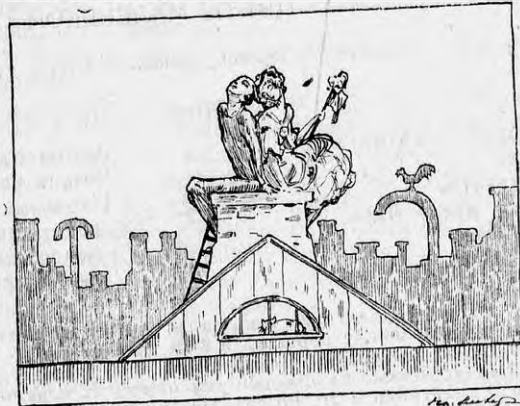
(Скрываются за занавѣсомъ, закрывъ его за собою. Музыка. Послѣ паузы занавѣсъ раздвигается. Все въ прежнемъ положеніи.)

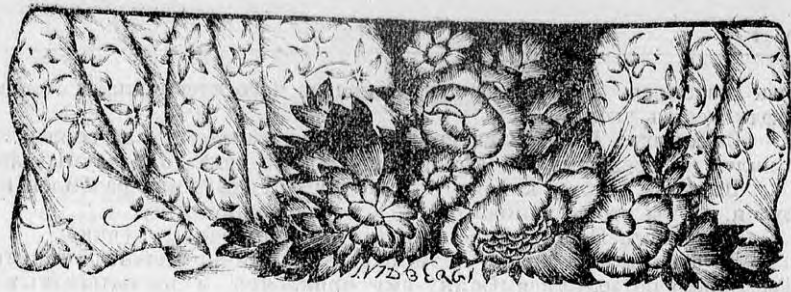
Сказочникъ. Дѣдушку - китайца починили. Приклеили ему спину, въ затылокъ вбили хорошій гвоздь, и онъ сталъ, какъ новый; только не могъ уже кивнуть головою.

Козлоногъ (китайцу). Вы что-то загордились съ тѣхъ поръ, какъ разбились! А мнѣ кажется, тутъ нечѣмъ особенно гордиться... Ну, что же? Отдадутъ ее за меня, или нѣтъ?

Сказочникъ. Козлоногъ ждалъ отвѣта. Трубочистъ и пастушка съ мольбою смотрѣли на стараго китайца. Они боялись: вдругъ онъ кивнетъ головою! Но онъ не могъ... А признаться въ этомъ ему не хотѣлось: не очень-то, вѣдь, пріятно рассказывать всѣмъ и каждому, что у тебя въ затылкѣ сидитъ гвоздь! Такъ и осталась фарфоровая парочка стоять рядышкомъ на столикѣ. Пастушка и трубочистъ благословляли гвоздь въ затылкѣ дѣдушки и любили другъ друга до тѣхъ поръ, пока не разбился.

Занавѣсъ.

ЦВѢТЫ МАЛЕНЬКОЙ ИДЫ.

(Сказка Андерсена, приспособленная для сцены П. Г.).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Старый Совѣтникъ.
Ида.
Студентъ.
Соня, кукла Иды.
Курилка.
Вербочка.

Цвѣты Иды: 1-й, 2-й и 3-й.
Первая роза. Вторая роза.
Гіацинты, тюльпаны, крокусы, лев-
кой, маки, піоны, колокольчики,
подсѣннички, фіалки, маргаритки,
лиліи, гребешки и др. цвѣты.

Сцена дѣлится вторымъ занавѣсомъ на собственно-сцену—въ глубинѣ—и просцениумъ—между первымъ и 2-мъ занавѣсами.

Сцена изображаетъ большую свѣтлую комнату, въ глубинѣ которой стоитъ фортеціано; ближе къ просцениуму ящикъ съ игрушками, кровать куклы Соня, кресло совѣтника и др. мебель. На окнахъ цвѣты.

На просцениумѣ, въ углу (отграниченномъ отъ собственно-сцены 2-мъ сукномъ) кровать Иды.

Картина первая.

(Старый Совѣтникъ, сидя въ креслѣ съ очками на носу, читаетъ газету. Студентъ и Ида на противоположной сторонѣ сцены; у Иды въ рукахъ цвѣты).

Ида (студенту).—Бѣдные мои цвѣточки! Совѣмъ завяли! Вчера вечеромъ они были такіе красивые, а теперь совѣмъ опустили головки! Отчего это?

Студентъ.—Это оттого, что они всю ночь были на балу: вотъ и опустили теперь головки.

Ида.—Да, вѣдь, цвѣты не танцуютъ!

Студентъ.—Танцуютъ! По ночамъ, когда кругомъ темно и мы всѣ спимъ, они такъ весело пляшутъ другъ съ другомъ, такіе балы задаютъ, что просто чудо!

Ида.—Гдѣ же они танцуютъ?

Студентъ.—А знаешь загородный дворецъ, гдѣ живетъ лѣтомъ король, и гдѣ большой садъ, полный прелестныхъ цвѣтовъ? Тамъ еще есть прудъ, на которомъ ты сама, помнишь, не разъ кормила лебедей хлѣбными крошками? Вотъ въ этомъ-то дворцѣ и бывають по ночамъ великолѣпные балы цвѣтовъ!

8 (40)

Ида.—Я вчера была тамъ съ мамой, но тамъ нѣтъ больше цвѣтовъ. И всѣ деревья стоятъ безъ листьевъ. Куда-же дѣвались цвѣточки?

Студентъ.—Они теперь во дворцѣ. Какъ только король и придворные переѣзжаютъ въ городъ, всѣ цвѣты тотчасъ же убѣгаютъ изъ сада прямо во дворецъ, и тамъ у нихъ начинается веселье. Вотъ бы тебѣ посмотреть! Двѣ самыя красивые розы садятся на тронъ: это—король съ королевой. Гребешки становятся по обѣимъ сторонамъ и кланяются: это—пажи. Затѣмъ являются всѣ остальные прекрасные цвѣты, и начинается балъ. Тюльпаны и большія желтыя лиліи наблюдаютъ за порядкомъ,—это пожилыя дамы; а фіалки танцуютъ съ гіацинтами и крокусами, незабудки—съ ландышами и другими цвѣтами. Вотъ веселье!

Ида.—Но цвѣточкамъ можетъ достаться за то, что они танцуютъ въ королевскомъ дворцѣ?

Студентъ.—Да вѣдь никто же объ этомъ не знаетъ! Правда, ночью заглянетъ иногда во дворецъ старикъ-смотритель съ большою связкою ключей въ рукахъ, но цвѣты, какъ только заслышатъ звяканье ключей, сейчасъ присмирѣютъ,—попрячутся за длинныя занавѣски и только чуть-чуть выглядываютъ оттуда, однимъ глазкомъ, боясь пошевелиться. «Тутъ что-то пахнетъ цвѣтами!» скажетъ смотритель, а видѣтъ—ничего не видить.

Ида.—Вотъ забавно! (Смѣется и хлопаетъ въ ладоши). А я? Тоже не могла бы ихъ увидѣть? (Смотритъ на цвѣты).

Студентъ.—Можешь! Стоитъ только, какъ опять пойдешь туда, заглянуть въ окошко. Вотъ, я сегодня видѣлъ тамъ длинную желтую лилію: она лежала и потягивалась на диванѣ, воображая себя придворною дамой.

Ида.—А цвѣты изъ ботаническаго сада тоже могутъ придти туда? Вѣдь, это далеко?

Студентъ.—Не бойся, вѣдь они могутъ летать, если захотятъ. Ты видѣла бабочекъ,—желтенькихъ, бѣлыхъ, голубыхъ, которые такъ похожи на цвѣты? Онѣ, вѣдь, и были раньше цвѣточками,—только соскочили со своихъ стебельковъ, забили въ воздухъ лепесточками, словно крылышками, и полетѣли. Они вели себя хорошо, и за то получили позволеніе летать и днемъ,—ты сама видѣла. Другіе должны сидѣть смиренно на своихъ стебелькахъ, а эти летаютъ, и лепестки ихъ стали, наконецъ, настоящими крылышками. Впрочемъ, знаешь что? Можетъ быть, цвѣты ботаническаго сада и не бывають во дворцѣ, можетъ быть, они даже и не знаютъ, что тамъ идетъ по ночамъ такое веселье? Ты бы вотъ что сдѣлала: когда придешь въ ботанической садъ, расскажи какому-нибудь цвѣточку о прекрасныхъ балахъ, которые бывають во дворцѣ; тогда расскажетъ другимъ, и они всѣ убѣгутъ. Профессоръ придетъ въ садъ,—а тамъ ни одного цвѣточка, онъ и въ толкъ не возьметъ, куда они дѣвались.

Ида.—Да какъ же цвѣтокъ расскажетъ другимъ? Вѣдь, цвѣты не умѣютъ говорить?

Студентъ.—Что за бѣда? За то они умѣютъ объясняться пантомимой. Развѣ ты не видала, какъ при легкомъ вѣтеркѣ цвѣты

(41)

киваютъ другъ другу головками и шевелятъ листиками? Это—они разговариваютъ.

Ида.—А профессоръ понимаетъ ихъ, пантомиму?

Студентъ.—Какъ же! Разъ онъ пришелъ въ садъ—и видитъ, что крапива дѣлаетъ листочками знаки прелестной красной гвоздикѣ; это она говоритъ ей: «Ты такъ мила, я очень люблю тебя!» Профессору это не очень-то понравилось: онъ тотчасъ ударилъ крапиву по листочкамъ, но зато такъ обжегся, что не смѣетъ съ тѣхъ поръ и трогать ее.

Ида.—(Громко хохочетъ). Вотъ хорошо!

Совѣтникъ—(сердито). Ну, можно-ли набивать голову ребенка такими бреднями!

Ида.—Нѣтъ, нѣтъ, это такъ интересно!

Совѣтникъ.—Тебѣ пора ложиться спать. Прибери игрушки и иди въ свою комнату. (Студенту) Пойдемте! (Уходитъ).

Ида.—(Съ грустью смотритъ на ушедшiе цветы). Бѣдненькіе! (Вынимаетъ куклу изъ кровати). Ну, Соня, тебѣ придется встать и полежать эту ночь въ ящикѣ: бѣдные цвѣты больны,—ихъ надо положить въ твою постельку: можетъ быть, они и выздоровѣютъ. (Укладываетъ цветочки, заботливо накрываетъ ихъ одеяломъ и плотно задерживаетъ пологъ). Лежите мирно, утромъ я напою васъ вкуснымъ чаемъ. (Кладетъ куклу въ ящикъ съ игрушками, затѣмъ подходитъ къ окну, заглядываетъ за ступенную оконную занавѣску и тихонько говоритъ гiацинтамъ и тюльпанамъ): А я знаю, что сегодня ночью вы будете танцевать! (Идетъ къ аван-сценѣ; когда она выходитъ на просцениумъ, второй занавѣс задерживается. Ида подходитъ къ своей кровати и садится на нее). Танцы цвѣтовъ! Какая это должно быть прелестно! Неужели и мои цвѣточки были на балу во дворцѣ? (Становится темно ¹).

Картина вторая.

(Черезъ нѣсколько секундъ просцениумъ освѣщается слабымъ свѣтомъ ². Ида спитъ въ своей постелькѣ. Начинается тихая, едва-едва слышимая музыка. Ида приподнимается на постели).

Ида.—Хотѣлось бы мнѣ знать: спятъ-ли мои цвѣточки въ Сониней постелькѣ? Хорошо-бы посмотреть! (Музыка играетъ громче). Это, вѣрно, цвѣты танцуютъ!.. Господи, какъ хочется посмотреть!.. Хоть бы они вошли сюда! (Пауза). Какая чудесная музыка! (Осторожно спускается съ кровати, на цвѣточкахъ прокрадывается ко второму занавѣску и заглядываетъ за него). Боже мой, какія чудеса!

(Второй занавѣсъ раздвигается).

Комната залита луннымъ свѣтомъ; тѣ же предметы, которые наполняли ее раньше, остались въ ней и сейчасъ, но нѣкоторые изъ нихъ—кровать куклы Соня, ящикъ съ игрушками, вербочка съ прикрѣпленной къ ней восковой фигуркой—увеличились, принявъ фантастическіе размѣры; на окнахъ горшки съ землей, но безъ цвѣтовъ, гiацинты же и тюльпаны, взявшiе другъ за друга длинными листочками, танцуютъ на полу. Длинная желтая лилія играетъ на фортепіано поворачивая головой то направо, то налѣво.

(Танецъ гiацинтовъ и тюльпановъ).

¹ или открывается первый занавѣсъ.

² или задерживается первый занавѣсъ.

Вдругъ голубой крокусъ подбѣгаетъ къ кровати Соня и отдергиваетъ ее пологъ; больные цвѣты встаютъ и, кивая головками, выражаютъ желаніе танцевать. Старый курилка со сломанной губой низко кланяется имъ и приглашаетъ на танецъ. Всѣ начинаютъ вертѣться и прыгать въ неудержимомъ весельѣ.

(Общій танецъ цвѣтовъ).

Что-то стукнуло. Это Идочкина верба, украшенная бумажными цвѣтами и маленькой восковой фигуркой въ широкополой шляпѣ, прыгнула на полъ. Танецъ и музыка мгновенно обрываются; всѣ смотрятъ на вербочку. Затѣмъ музыка начинаетъ играть мазурку; вербочка танцуетъ, громко топа своей деревянной ножкой.

(Танецъ вербочки,—мазурка).

Вербочка пляшетъ все быстрѣй и быстрѣй и вдругъ замираетъ въ неподвижной позѣ; въ это время восковая фигурка, прикрѣпленная къ ней и удивительно похожая на стараго совѣтника ¹, кричитъ во весь голосъ.

Восковая фигурка на вербочкѣ.—Ну можно ли набивать голову ребенка такими бреднями! (Вербочка снова пускается влѣтъ, а головка восковой фигурки смѣшно мотается изъ стороны въ сторону. Всѣ сплываются).

(Что-то стучитъ въ ящикъ съ игрушками. Курилка быстро подскакиваетъ къ нему и открываетъ крышку. Изъ ящика выходитъ Соня и, оглядываясь вслѣдъ, обижено говоритъ):

Соня.—Да у васъ тутъ балъ? Что же вы мнѣ ничего не сказали?

Курилка—(подбѣжавъ къ Сонѣ). Хочешь танцевать со мной?

Соня—(надувъ губки). Нѣтъ, благодарю васъ. (Курилка отходитъ).

Хорошъ кавалеръ! (Усаживается на ящикъ въ ожиданіи приглашенія отъ цвѣтовъ. Курилка, получивъ отказъ еще отъ нѣсколькихъ дамъ, пускается въ плясъ одинъ).

(Танецъ курилки).

(Соня падаетъ съ ящика. Общій переполохъ; всѣ окружаютъ ее).

Голоса.—Не ушиблись ли вы?—Отчего вы упали?—Что случилось?—Не принести ли вамъ воды?

Соня.—Нѣтъ, нѣтъ, ничего, не беспокойтесь, уже все прошло.

Одинъ изъ цвѣтовъ Иды.—Мы такъ благодарны вамъ за чудесную постельку!

Другой.—О, да! Но отчего вы сидите здѣсь одна? Пойдемте въ лунный кружокъ на полу танцевать съ нами—это такъ весело!

Соня.—Благодарю васъ.

(Танецъ Соня и цвѣтовъ Иды).

Соня (по окончаніи танца).—Ахъ, какъ весело! Я готова охотно навсегда уступить вамъ свою кровать: мнѣ хорошо и въ ящикѣ!

¹ Роли Стараго совѣтника (въ 1-ой карт.) и Вербочки (во 2-й) исполняются однимъ и тѣмъ же лицомъ. Фигура (костюмъ) «Вербочки» имѣетъ форму цилиндра, изображающаго пучокъ вербы. Вверху изъ цилиндра выходятъ отдѣльныя вѣтки съ прикрѣпленными къ нимъ почками изъ ваты. Туловище актера находится внутри цилиндра, для головы же въ стѣнкѣ цилиндра сдѣланъ вырѣзъ; полъ этимъ вырѣзомъ къ наружной стѣнкѣ цилиндра прикрѣпляется маленькая—кукольная—фигурка безъ головы такъ, что голова актера и эта фигурка сливаются въ одно цѣлое—въ восковую куколку, привязанную къ вербочкѣ.

Первый изъ цвѣтовъ Иды.—Спасибо, но мы не можемъ жить такъ долго!

Другой.—Утромъ мы совсѣмъ умремъ, и ты скажи Идочкѣ, чтобы она похоронила насъ въ саду, въ томъ мѣстѣ, гдѣ зарыта канарейка.

Третій.—Можетъ быть, лѣтомъ мы и оживемъ опять и снова распустимся красивыми цвѣтами.

(Раздаются звуки марша. Дверь открывается).

Голоса.—Тише, тише! Смотрите, это цвѣты изъ королевскаго сада.

(Шествіе цвѣтовъ).

Впереди идутъ двѣ чудесныя розы съ золотыми коронками на головахъ, за ними выступаютъ, раскланиваясь направо и налево, великолѣпныя левкои, гіацинты, маки, піоны, голубые колокольчики и бѣлые, нѣжные поденѣжники. Маки и піоны дуютъ изъ всѣхъ силъ въ шедуху отъ горошка, а колокольчики и поденѣжники звенятъ, какъ будто они покрыты бубенчиками. Дальше идутъ голубыя фіалки, желтые ноготки, маргаритки, ландыши—масса цвѣтовъ. Двѣ розы садятся въ кресло совѣтника, гребешки становятся по обѣимъ сторонамъ, остальные цвѣты начинаютъ танцовать.

(Танецъ цвѣтовъ изъ королевскаго сада).

Въ окно проникаетъ розовый свѣтъ утренней зари; часы бьютъ четыре; музыка становится тихой-тихой и всѣ цвѣты, дѣлая другъ другу знаки—не шумѣть, и, раскланиваясь другъ передъ другомъ, расходятся: вслѣдъ за розами удаляются гости изъ королевскаго сада; Идочкины цвѣты скрываются за пологомъ Сонной кровати; тюльпаны, гіацинты и крокусы прячутся за оконную портьеру, а Соня—въ ящикъ съ игрушками. Идочка тихонько крадется къ своей кровати. Второй занавѣсъ задергивается. Идочка юркнула подъ одеяло—становится темно или задергивается первый занавѣсъ).

Картина третья.

(Проспеніумъ освѣщенъ яркимъ (утреннимъ) свѣтомъ. Идочка просыпается, соскакиваетъ съ постели и бѣжитъ въ глубину къ своимъ игрушкамъ и цвѣточкамъ—раздвигается второй занавѣсъ).

Ида—*(вынимая куклу изъ игрушечнаго ящика)*. Ну, что тебѣ нужно сказать мнѣ? *(Пауза)*. Вотъ какая ты нехорошая—не хочешь сказать мнѣ ни слова!.. А цвѣточки такъ хорошо танцевали съ тобой! *(Беретъ чашку)*. Заявляю совсѣмъ!.. Милые цвѣточки! Я зарю васъ въ саду, въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ канарейка, но лѣтомъ... лѣтомъ вы оживете опять и распуститесь красивыми цвѣтами!

З а н а в ѣ с ь.

СКАЗКИ АНДЕРСЕНА

Вѣтеръ тучи носить,
носить вихри пыли...
Сердце сказки просить,
и не хотѣть были.
Ө. Сологубъ.

Л Е Н Ь.

(Сказка, по переводу А. и П. Ганзенъ¹).

Лень цвѣлъ чудесными голубенькими цвѣточками, мягкими и нѣжными, какъ крылья мотыльковъ, а, пожалуй, и того нѣжнѣе! Солнышко свѣтило на лень, тучки поливали его дождичкомъ, и это ему было такъ же полезно и приятно, какъ ребенку купанье и поцѣлуй матери,—дѣтишки расцвѣтаютъ отъ того еще милѣе; такъ и лень.

— Всѣ говорятъ, что я уродился на славу!—сказалъ лень.— Говорятъ, что я еще вытянусь въ длину, и потомъ изъ меня выйдетъ отличный кусокъ холста! Ахъ, какой я счастливый! Право, я счастливѣе всѣхъ! Мнѣ такъ хорошо, и я пригожусь на что-нибудь! Солнышко меня веселитъ и оживляетъ, дождичекъ питаетъ и освѣжаетъ! Ахъ, я такъ счастливъ, такъ счастливъ! Я счастливѣе всѣхъ!

— Да, да, да!—сказали колья изгороди:—Ты еще не знаешь свѣта, а мы такъ, вотъ, знаемъ,—видишь, какіе мы сучковатые!

И они жалобно заскрипѣли:

*Оглянуться не успѣешь,
Какъ ужъ пѣсенкѣ конецъ!*

— Вовсе не конецъ!—сказалъ лень.—И завтра опять будетъ грѣть солнышко, опять пойдетъ освѣжающій дождикъ! Я чувствую, что расту и цвѣту! Я счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ!

Но вотъ, разъ явились люди, схватили лень за макушку и вырвали съ корнемъ. Больно было! Потомъ его положили въ воду, словно собирались утопить, а послѣ того держали надъ огнемъ, будто хотѣли изжарить. Ужасъ, что такое!

¹ Эта прелестная сказочка даетъ воспитателю много поводовъ для педагогическаго использованія. Она хороша и для простаго чтенія дѣтямъ вслухъ; еще лучше—для рассказыванія; пригодна и для чтенія съ сопровождающимъ его иллюстративнымъ рисованіемъ. Сказочка обнимаетъ собою разныя и при томъ важныя отрасли человѣческаго труда,—земледѣльческаго, промышленнаго, рукодѣльнаго и интеллигентнаго. Она даетъ поводъ для нѣмой бесѣды о трудѣ, для экскурсіи, для собиранія коллекціи. А самое главное, она вся пронизана неподдѣльною поэзіей,—поэзіей бодрой жизни.

— Не вѣчно же жить въ свое удовольствіе!—сказалъ лень.— Приходится и испытать кое-что. Зато поумнѣешь!

Но льну приходилось ужъ очень плохо. Чего-чего только съ нимъ ни дѣлали: и мяли, и тискали, и трепали, и чесали—да просто и названій всему не приберешь! Наконецъ, онъ очутился на пряхкѣ. Жжж! Тутъ ужъ поневолѣ всѣ мысли въ разбродъ пошли!

— Я, вѣдь, такъ долго былъ несказанно счастливъ!—думалъ онъ во время этихъ мученій.— Что-жъ, надо быть благодарнымъ и за то хорошее, что выпало намъ на долю! Да, надо, надо!.. Охъ!

И онъ повторялъ то же самое, даже полавъ на ткацкій станокъ. Но вотъ, наконецъ, изъ него вышелъ великолѣпный, большой кусокъ холста. Весь лень до послѣдняго стебелька пошелъ на этотъ кусокъ.

— Но, вѣдь, это же безподобно! Вотъ ужъ ни думалъ, ни гадаль-то! Какъ мнѣ однако везетъ! А колья-то все твердили: «оглянуться не успѣешь, какъ ужъ пѣсенкѣ конецъ!» Много они смыслили, нечего сказать! Пѣсенкѣ вовсе не конецъ! Она только теперь и начинается. Вотъ счастье-то! Да, если мнѣ и пришлось пострадать немножко, то теперь зато изъ меня кое-что и вышло. Нѣтъ, я счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ! Какой я теперь крѣпкій, мягкой, бѣлый и длинный! Это, небось, получше, чѣмъ просто расти, или даже цвѣсти въ полѣ! Тамъ никто за мною не ухаживалъ, воду я только и видалъ, что въ дождикъ, а теперь ко мнѣ приставили прислугу, всякое утро меня переворачиваютъ на другой бокъ, всякій вечеръ поливаютъ изъ лейки! Сама пасторша держала надо мною рѣчь и сказала, что во всемъ околоткѣ не найдется лучшаго куска! Ну, можно-ли быть счастливѣе меня?

Холстъ взяли въ домъ, и онъ попалъ подъ ножницы. Ну, и досталось же ему! Его и рѣзали, и кроили, и кололи иглками,—да, да! Нельзя сказать, чтобы это было приятно! Зато изъ холста вышло двѣнадцать паръ... такихъ принадлежностей одѣянія, которыхъ не принято называть вслухъ, но въ которыхъ всѣ нуждаются. Цѣлыхъ двѣнадцать паръ вышло!

— Такъ вотъ когда только изъ меня вышло кое-что! Вотъ каково было мое назначеніе! Да, вѣдь, это же просто благодать! Теперь и я приношу пользу міру, а въ этомъ, вѣдь, вся и суть, въ этомъ-то вся и радость жизни! Нашъ двѣнадцать паръ, но все же мы одно цѣлое, мы—дюжина! Вотъ такъ счастье!

Прошли года, и бѣлье изнашивалось.

— Всему на свѣтѣ бываетъ конецъ!—сказало оно.— Я бы и радо было послужить еще, но невозможное—невозможно!

И вотъ, бѣлье разорвали на тряпки. Онѣ были ужъ думали, что имъ совѣмъ пришелъ конецъ:—такъ ихъ принялись рубить, мять, варить, тискать... Анъ глядь—онѣ превратились въ тонкую бѣлую бумагу!

— Нѣтъ, вотъ сюрпризъ, такъ сюрпризъ!—сказала бумага.— Теперь я тоньше прежняго, и на мнѣ можно писать! Вотъ такъ счастье!

И на ней написали чудеснѣйшіе рассказы. Слушая ихъ, люди становились добрѣе и умнѣе,—такъ хорошо и умно они были написаны.

— Ну, этого мнѣ и во снѣ не снилось, когда я цвѣла въ полѣ голубенькими цвѣточками! И могла-ли я въ то время думать, что мнѣ выпадетъ на долю счастье распространять между людьми радость и знаніе! Я все еще не могу придти въ себя отъ счастья! Самой себя не вѣрю! Но, вѣдь, это такъ! Господь-Богъ знаетъ, что сама я тутъ ни причемъ,—я старалась только по мѣрѣ слабыхъ силъ своихъ не даромъ занимать мѣсто! И вотъ, Онъ ведетъ меня отъ одной радости и почести къ другой! Всякій разъ, какъ я подумаю: «ну, вотъ и пѣсенкѣ конецъ», тутъ-то какъ-разъ и начинается для меня новая, еще высшая, лучшая жизнь! Теперь я думаю отправиться въ путь-дорогу, обойти весь свѣтъ, чтобы всѣ люди могли прочесть написанное на мнѣ! Такъ, вѣдь, и должно быть! Прежде у меня были голубенькіе цвѣточки, теперь каждый цвѣточекъ расцвѣлъ прекраснѣйшею мыслью! Счастливѣе меня нѣтъ никого на свѣтѣ!

Но бумага не отправилась въ путешествіе, а попала въ типографію, и все, что на ней было написано, перепечатали въ книгу, да не въ одну, а въ сотни, тысячи книгъ. Онѣ могли принести пользу и доставить удовольствіе безконечно большому числу людей, нежели одна та бумага, на которой были написаны рассказы: бѣгая по бѣлу-свѣту, она бы истрепалась на полпути.

— Да, конечно, такъ дѣло-то будетъ вѣрнѣе!—подумала исписанная бумага.—Этого мнѣ и въ голову не приходило! Я останусь дома отдыхать, и меня будутъ почитать, какъ старую, бабушку! Вѣдь, на мнѣ все написано-то; слова стекали съ пера прямо на меня! Я останусь, а книги будутъ бѣгать по бѣлу-свѣту! Вотъ это дѣло! Нѣтъ, какъ я счастлива, какъ я счастлива!

Тутъ всѣ отдѣльные листы бумаги кто-то собралъ, связалъ вмѣстѣ и положилъ на полку.

— Ну, можно теперь и опочить на лаврахъ!—сказала бумага.— Не мѣшаетъ тоже собраться съ мыслями и сосредоточиться! Теперь только я поняла, какъ слѣдуетъ, чтѣ во мнѣ есть! А познать самое себя—большой шагъ впередъ. Но что же будетъ со мною потомъ? Одно я знаю,—что непременно двинусь впередъ! Все на свѣтѣ постоянно идетъ впередъ!

Въ одинъ прекрасный день бумагу взяли, да и сунули подъ плиту; ее рѣшили сжечь, такъ какъ нельзя было продать ее въ мелочную лавочку на обертку масла и сахара.

Дѣти обступили плиту; имъ хотѣлось посмотреть, какъ бумага вспыхнетъ и какъ потомъ по золѣ начнутъ перебѣгать и потухать одна за другою шаловливыя, блестящія искорки! Точь-въ-точь ребятишки бѣгутъ домой изъ школы! Послѣ всѣхъ выходитъ учитель,—это послѣдняя искра. Но иногда думаютъ, что онъ уже вышелъ—анъ нѣтъ! Онъ выходитъ еще долго-долго спустя послѣ самаго послѣдняго школьника!

И вотъ, огонь охватилъ бумагу. Какъ она вспыхнула! — Уфъ!—сказала она, и въ ту же минуту превратилась въ столбъ пламени, которое взвилось въ воздухъ такъ высоко, какъ никогда не могъ поднять своихъ голубенькихъ цвѣточныхъ головокъ лень, и сіяло такимъ ослѣпительнымъ блескомъ, какимъ

никогда не сиялъ бѣлый холстъ. Написанныя на бумагѣ буквы въ одно мгновеніе раскалились до красна, и всѣ слова и мысли обратились въ пламя!

— Теперь я взвоюсь прямо къ солнцу!—сказало пламя, словно тысячами голосовъ заразъ, и взвилось въ трубу. А въ воздухѣ запорхали крошечныя незримыя существа, легче, воздушнѣе пламени, изъ котораго родились. Ихъ было столько же, сколько когда-то было цвѣточковъ на льнѣ. Когда пламя погасло, они еще разъ проплясали по черной золѣ, оставляя на ней блестящіе слѣды въ видѣ золотыхъ искорокъ. Ребятишки выбѣжали изъ школы, за ними вышелъ и учитель; любо было поглядѣть на нихъ! И дѣти запѣли надъ мертвою золой:

Оглянуться не успѣшь,
Какъ ужъ пѣсенкѣ конецъ!

Но незримыя крошечныя существа говорили:

— Пѣсенка никогда не кончается, вотъ что самое чудесное! Мы знаемъ это, и потому мы счастливѣе всѣхъ!

Но дѣти не разслышали ни одного слова, а если-бъ и разслышали,—не поняли бы. Да и не надо! Не все же знать дѣтямъ!

ИЗЪ АНДЕРСЕНА.

«Имущество, родные, друзья, самъ человѣкъ,—все минетъ, все умретъ; не умираетъ одно—славное имя.»

(Сказка «Дочь болотнаго царя».)

«Нанъ хорошо цвѣсти, благоухать, упиваться свѣтомъ и росой, и жить въ сказаніяхъ и пѣсняхъ!»

(Роза въ сказкѣ «Скоророды».)

«Радуйся своей юности! Радуйся своему здоровому росту, своей молодости и жизненнымъ силамъ!»

(Сказка «Ель».)

«Всякое удовольствіе только тогда и бываетъ истиннымъ, полнымъ, когда можешь подѣлиться имъ съ другими».

(Сказка «Старый уличный фонарь».)

ДѢВОЧКА НАСТУПИВШАЯ НА ХЛѢБЪ.

(Сказка, приспособленная для рассказыванія П. М.)

I.

Вы, конечно, слышали о дѣвочкѣ, которая наступила на хлѣбъ, чтобы не запачкать башмаковъ. Слышали и о томъ, какъ ей плохо потомъ пришлось. Объ этомъ и написано, и напечатано.

Она была бѣдная, но гордая и спесивая дѣвочка. Еще крошкой, она любила ловить мухъ и обрывать у нихъ крылышки; ей нравилось, что мухи изъ летающихъ насѣкомыхъ превращались въ ползающихъ. Ловила она также майскихъ и навозныхъ жуковъ, насаживала ихъ на булавки и подставляла имъ подъ ножки зеленый листикъ или клочекъ бумаги. Бѣдное насѣкомое хватывалось ножками за бумагу, вертѣлось и изгибалось, стараясь освободиться отъ булавки, а Инге смѣялась:

— Майскій жукъ читаетъ! Ишь, какъ переворачиваетъ листокъ!

Съ лѣтами она становилась не лучше, а пожалуй хуже... Къ несчастью, она была прехорошенькая, и ей хоть и доставались щелчки, да все не такіе, какіе слѣдовало.

— Крѣпкій нуженъ щлокъ для этой головы!—говаривала ей родная мать. Ребенкомъ ты часто топтала мой передникъ; боюсь, что, выросши, ты растопчешь мнѣ сердце!

Такъ оно и вышло.

Инге поступила въ услуженіе къ знатнымъ господамъ, въ помѣщичій домъ. Господа обращались съ нею, какъ съ родною дочерью. Въ новыхъ нарядахъ Инге, казалось, еще похорошѣла; за то и спесь ея все росла да росла. Цѣлый годъ прожила она у хозяевъ, и вотъ они сказали ей:

— Ты бы навѣстила своихъ стариковъ, Инге!

Инге отправилась, но только для того, чтобы показаться роднымъ въ полномъ своемъ парадѣ. Она уже дошла до околицы родной деревни, да вдругъ увидала, что около пруда стоятъ и болтаютъ дѣвушки и парни, а неподалеку отдыхаетъ на камнѣ ея мать съ охапкой хвороста, собраннаго въ лѣсу. Инге—маршъ назадъ: ей стало стыдно, что у нея, нарядной барышни, такая оборванная мать, которая, вдобавокъ, сама таскаетъ изъ лѣсу хворостъ. Инге даже не пожалѣла, что не повидалась съ родителями,—ей только было досадно.

Прошло еще полгода.

— Надо тебѣ навѣстить своихъ стариковъ, Инге! — опять сказала ей госпожа. — Вотъ тебѣ бѣлый хлѣбъ, снеси его имъ! То-то они обрадуются тебѣ!

Инге нарядилась въ самое лучшее платье, надѣла новые башмаки, приподняла платьице и осторожно пошла по дорогѣ, стараясь не запачкать башмачковъ, — ну, за это и упрекать ее нечего! Но вотъ тропинка свернула на болотистую почву; приходилось перейти черезъ грязную лужу. Не долго думая, Инге бросила въ лужу свой хлѣбъ, чтобъ наступить на него и перейти, не замочивъ ногъ. Она уже ступила на хлѣбъ одною ногой, а другую приподняла, собираясь шагнуть на сухое мѣсто, какъ вдругъ хлѣбъ сталъ погружаться съ нею въ землю, — все глубже и глубже, — только черные пузыри пошли по лужѣ!

Вотъ какова исторія!..

II.

Куда же попала Инге? Въ подземную бездну. Тамъ ее поставили при входѣ стоять истуканомъ. Ноги ея были словно привинчены къ хлѣбу, на который она наступила. Ее мучилъ страшный голодъ, но она не могла нагнуться, чтобы отломить себѣ хоть корочку хлѣба. Спина ея не сгибалась, руки и ноги не двигались, она вся какъ будто окаменѣла и могла только поводить глазами во все стороны. Вдобавокъ ко всему, явились мухи и начали ползать по ея глазамъ взадъ и впередъ. Она моргала глазами, но мухи не улетали: крылья у нихъ были обципаны, и онѣ могли только ползать. Вотъ была мука!

Инге стояла и томилась. Она явственно слышала все, что говорили о ней тамъ, на верху. А говорили-то одно дурное.

Мать оплакивала пропавшую дочку, горько оплакивала, но все-таки говорила:

— Спесь до добра не доводитъ! Спесь стубила тебя, Инге! Какъ ты огорчила меня!

Господа ея, почтенные люди, которые обращались съ нею, какъ съ родною дочерью, тоже вспоминали ее и говорили:

— Она большая грѣшница! Она попирала хлѣбъ ногами. Не скоро откроются для нея двери милосердія.

Матери рассказывали ея исторію своимъ дѣтямъ; малютки слушали и называли ее «безбожницей» и говорили:

— Она такая гадкая! Пусть теперь помучается хорошенько!

Люди сложили пѣню «О спесивой дѣвочкѣ, которая наступила на хлѣбъ, чтобъ не запачкать башмаковъ», и все распѣвали ее.

Такъ Инге слышала про самое себя только одно дурное, и душа ея становилась еще жестче, еще грубѣе, чѣмъ ея окаменѣвшее тѣло.

Но вотъ разъ, терзаясь отъ голода и злобы, слышитъ она тамъ, на землѣ чей-то голосъ опять называетъ ея имя. Кто-то рассказываетъ ея исторію маленькой, невинной дѣвочкѣ. Малютка слушала эту исторію и вдругъ залилась слезами. — горько, горько заплакала о спесивой, суетной Инге.

— И неужели она никогда, никогда уже не вернется сюда наверхъ? — спросила малютка.

— Никогда! — отвѣтилъ ей голосъ.

— А если она попроситъ прощенія, — обѣщаетъ никогда больше такъ не дѣлать?

— Да она вовсе не хочетъ просить прощенія!

— Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобъ она попросила прощенія, — сказала дѣвочка и долго не могла утѣшиться: — Я бы отдала свой кукольный домикъ, только бы ей позволили вернуться на землю! Бѣдная, бѣдная Инге!

Слова эти дошли до сердца Инге, и ей стало какъ будто легче: въ первый разъ нашла живая душа, которая сказала: «бѣдная Инге» и ни слова не прибавила о ея грѣхѣ. Маленькая невинная дѣвочка плакала и просила за нее... Какое-то странное чувство охватило душу Инге; она бы, кажется, и сама заплакала, да не могла, и это было для нея новымъ мученіемъ...

III.

На землѣ годы летѣли стрѣлою, подъ землею же все оставалось попрежнему. Инге слышала свое имя все рѣже и рѣже, на землѣ о ней вспоминали все меньше и меньше.

На землѣ постепенно умирали люди, — умирали и тѣ, кто зналъ Инге.

Вотъ умерла ея мать: передъ смертью она успѣла сказать свою вѣчную жалобу:

— Инге, Инге! Какъ ты меня огорчила!

Долетѣлъ до Инге этотъ предсмертный вздохъ матери, но не принесъ ей облегченія.

Умерла и бывшая хозяйка Инге, — та, которая обращалась съ ней, какъ съ родной дочерью. И она передъ смертью вспомнила объ Инге и сказала:

— Можетъ быть, мы еще свидимся съ тобою, Инге! Никто не знаетъ, куда попадетъ.

Инге слышала эти слова, но она знала, что хозяйка не попадетъ къ ней подъ землю, и не было ей въ этихъ словахъ отрады.

Время шло да шло...

Прожила свою жизнь и та дѣвочка, которая когда-то пожалѣла Инге. И къ ней пришелъ часъ смерти. Умирая, она вспомнила о бѣдной Инге и опять горько о ней заплакала и, горячо молилась, чтобы надъ нею сжалились на небѣ.

Инге слышала эту мольбу доброй души и эти горькія рыданія: И размягчилась ея измученная душа отъ этой любви чужого ей человѣка. Инге оглянулась на всю прошлую жизнь; жалость къ самой себѣ наполнила ея душу и залилась она слезами, какихъ раньше не знала. И тотчасъ въ подземную темную бездну проникъ лучъ свѣта. Онъ былъ теплѣе луча солнечнаго, который пролился отъ этого луча каменная оболочка Инге быстрѣе, чѣмъ таетъ снѣжинка на теплыхъ губкахъ ребенка.

IV.

Маленькая птичка взвилась вдругъ изъ подземной бездны на волю... Но, очутившись среди блага свѣта, она съежилась отъ страха и стыда. Она вѣхъ боялась и стыдилась и поспѣшно спряталась въ темную трещину въ какой-то полуразвалившейся стѣнѣ. Тутъ она и сидѣла, съежившись, дрожа вѣмъ тѣломъ, не издавая ни звука: у нея не было никакого голоса. Долго сидѣла она такъ, прежде чѣмъ осмѣлилась взглянуть на Божій міръ. А когда взглянула, не могла оторвать глазъ отъ его красоты. Воздухъ былъ свѣжъ и мягокъ. Въ уголкѣ, гдѣ укрылась птичка, было такъ уютно, а платице на ней было такое чистенькое и нарядное. Птичкѣ захотѣлось пѣть о красотѣ Божьяго міра, но у нея не было голоса: она не могла ни закуковать кукушкой, ни зацелкать соловьемъ. А какъ хотѣлось ей, чтобы хвала ея неслась къ самому небу.

Нѣмая хвала птички росла день ото дня и только ждала случая вылиться въ добромъ дѣлѣ.

Насталъ сочельникъ. Крестьянинъ поставилъ у забора шесть и привязалъ къ верхушкѣ его необмолоченный снопъ овса: пусть и птички весело справятъ праздникъ Рождества!

Въ рождественское утро встало солнышко и освѣтило снопъ. Живо налетѣли на угощеніе щебетунья-птички. Изъ расщелины въ стѣнѣ тоже раздалось: «пи! пи!»? Мысль вылилась въ звукъ, слабый пискъ былъ настоящимъ гимномъ радости: мысль готовилась воплотиться въ добромъ дѣлѣ, и птичка вылетѣла изъ своего убѣжища. На небѣ знали, что это была за птичка: это была Инге.

V.

Зима стояла суровая. Воды были скованы толстымъ льдомъ. Для птицъ и звѣрей наступили тяжелыя времена. Маленькая птичка летала надъ дорогой, отыскивая и собирая въ снѣжныхъ бороздахъ, проведенныхъ санями, зернышки, а возлѣ стоянокъ для лошадей— крошки хлѣба. Но сама она съѣдала всего только одно зернышко, одну крошку, а затѣмъ сзывала кормиться другихъ голодныхъ пичужекъ. Летала она и въ города; осматривалась кругомъ и, завидѣвъ накрошенные изъ окна милосердною рукой кусочки хлѣба, тоже съѣдала лишь одинъ, а все остальное отдавала другимъ птичкамъ.

Въ теченіе зимы птичка собрала и раздала много, много хлѣбныхъ крошекъ: вѣсь онѣ вмѣстѣ вѣсили столько же, сколько тотъ хлѣбъ, на который наступила когда-то Инге, чтобъ не запачкать башмаковъ. И когда была найдена и отдана послѣдняя крошка, сѣрыя крылья птички превратились въ бѣлыя и широко распустились.

— Вонъ летитъ морская ласточка! — сказали дѣти, увидавъ бѣлую птичку.

Птичка то ныряла въ волны, то взвивалась навстрѣчу солнечнымъ лучамъ, и вдругъ исчезла въ этомъ сіяніи.

Никто не зналъ, куда она дѣвалась.

— Она улетѣла на солнышко! — сказали дѣти.

ГАДКІЙ УТЕНОКЪ.

(Сокращеніе сказки, пригодное для декламациі) 1.

Какъ хорошо было въ деревнѣ! Солнце весело сіяло, рожь золотилась, душистое сѣно лежало въ стогѣ.

Въ зеленомъ уголкѣ, среди лопуховъ, утка сидѣла на яйцахъ. Ей было скучно, она утомилась отъ долгаго сидѣнія. Наконецъ, затрещали скорлупки одна за другой. Утята вылѣзли на свѣтъ:

— Какъ великъ міръ!

Послѣдній утенокъ былъ очень некрасивъ, безъ перьевъ, на длинныхъ ногахъ.

— Ужъ не индюшонокъ ли?! — испугалась сестрѣдка-утка.

* * *

Попелъ утинный выводокъ на птичій дворъ.

— Держитесь, дѣтки, прямо! Лапки врозь! Поклонитесь низко той старой уткѣ! Она испанской породы. Видите у ней на лапѣ красную тесемку? Это высшій знакъ отличія для утки!

Утята низко кланялись испанской уткѣ и скоро освоились со вѣмъ населеніемъ птичьего двора.

Плохо пришлось только бѣдному некрасивому утенку. Надъ нимъ вѣсь смѣялись, гнали его отовсюду, желали, чтобы кошка скорѣе съѣла его. Куры клевали его, утки щипали, люди толкали ногой, а индѣйскій пѣтухъ, надувшись, какъ корабль на парусахъ, наскокилъ на несчастнаго утенка. Утенокъ собралъ вѣсь свои силы и перелетѣлъ черезъ заборъ. Птички, сидѣвшія въ кустахъ вespорхнули съ испугу. Утенокъ подумалъ:

— Это оттого, что я такой гадкій...

Онъ закрылъ глаза, но все же продолжалъ бѣжать, пока не достигъ болота. Тамъ дикія утки накинулись на него:

— Ты что за птица?!

Утенокъ поворачивался во вѣсь стороны.

— Ты ужасно гадокъ!

Утенокъ кланялся, какъ только могъ, ниже.

— Не ведумай жениться на комъ-нибудь изъ насъ!

Могъ ли подумать объ этомъ утенокъ?

Такъ начались его странствованія. Чего только ни вытерпѣлъ онъ за эту страшную осень! Иногда онъ часами сидѣлъ въ камышахъ, замирая отъ страха, дрожа отъ испуга, а выстрѣлы охотниковъ раздавались по всему лѣсу; страшная пасть собаки зіяла надъ его головой.

1 Предлагаемое сокращеніе сказки является текстомъ къ музыкальной композиціи С. Прокофьева: «Гадкій утенокъ», написанной для одного голоса съ аккомпаниментомъ фортепіано (См. выше Библиографію на стр. 20).

* * *

Становилось холоднѣй. Озеро постепенно затягивалось льдомъ. Утенокъ долженъ былъ все время плавать, чтобы вода не замерзла. Было бы слишкомъ грустно рассказывать о тѣхъ лишеніяхъ, какія вынесъ онъ въ эту зиму...

* * *

Однажды солнышко пригрѣло землю своими теплыми лучами; жаворонки зацѣли, кусты зацвѣли: пришла весна.

Весело взмахнулъ утенокъ крыльями: за зиму они успѣли вырасти. Поднялся на крыльяхъ утенокъ и прилетѣлъ въ большой цвѣтущій садъ. Тамъ было такъ хорошо! Вдругъ изъ чащи тростниковъ появились три прекрасныхъ лебедя. Непонятная сила привлекала утенка къ этимъ царственнымъ птицамъ. Если онъ приблизится къ нимъ, они конечно его убьютъ, потому что онъ такой гадкій... Но лучше умереть отъ ихъ ударовъ, чѣмъ терпѣть все, что выстрадалъ онъ въ продолженіе этой зимы!

— Убейте меня...—сказалъ утенокъ и опустилъ голову, ожидая смерти.

Но что увидѣлъ онъ въ чистой водѣ? Свое отраженіе... Но онъ былъ теперь не гадкой сѣрой птицей, а прекраснымъ лебедемъ.

Не бѣда въ гнѣздѣ утиномъ родиться, было бѣ лицо лебединое.

Солнце ласкало его, сирень склонялась предъ нимъ, лебеди нѣжно его цѣловали. Могъ ли онъ мечтать о такомъ счастьѣ, когда былъ гадкимъ утенкомъ?

ИЗЪ АНДЕРСЕНА.

«Чу! Раздалось протяжное кнуванье кнушки, зазвенѣла пѣсня жаворонка. Весна была въ полномъ разгарѣ. Только ивы все еще не снимали съ своихъ цвѣточковъ пуховыхъ рунавичей: такія ужъ онѣ осторожны—просто скучно».

(Сказка «Исторія года».)

«Чудесный овесъ, когда созрѣетъ, похожъ на вѣточки, усашенныя маленькими желтыми канарейками».

(Сказка «Гречиха».)

СКАЗКА АНДЕРСЕНА О МОРКОВКѢ.

Андерсенъ однажды обѣдалъ въ знакомомъ семействѣ. За столомъ была и маленькая дочка хозяевъ, Мариночка. Подали супъ съ морковью. Мариночка не хотѣла ѣсть моркови. Мать уговаривала ее, но дѣвочка твердила:

— Не хочу, не хочу! Она жесткая!

Тогда Андерсенъ рассказалъ Мариночкѣ вотъ какую сказочку.

На огородѣ жила-была Морковка-Краснушка,—изящное премилое создание. Она была высокаго роста, стройная, красивая. Вокругъ шеи у нея былъ воротничекъ яркаго зеленого цвѣта. Такого воротничка не было ни у кого въ сосѣдствѣ.

Молодые люди любовались красавицей морковью и ухаживали, за нею: вотъ завидная невѣста!

Но неподалеку на той же морковной грядкѣ былъ толстый некрасивый старикъ: онъ посватался за Морковку, и родители согласились выдать за него свою юную дочку.

Старикъ былъ съ каменнымъ сердцемъ. Когда ему говорили, что Краснушка ему не пара, онъ не хотѣлъ и слушать.

Краснушка не по днямъ, а по часамъ худѣла отъ горя, но старый женихъ не хотѣлъ отъ нея отказаться.

Отецъ Краснушки строго запретилъ ей видѣться съ молодыми людьми: онъ боялся, какъ бы не разстроилась свадьба со старикомъ.

Наконецъ, пришелъ и день свадьбы. Невѣста была одѣта въ чудесные наряды.

Готовилось свадебное шествіе. Какъ вдругъ... чья-то рука схватила безобразнаго стараго жениха за зеленый воротничекъ и потащила вверхъ: онъ исчезъ гдѣ-то надъ головами гостей и больше не возвратился...

— Знаешь-ли что, другъ мой Мариночка? Вѣдь, это нашъ милый, добрый садовникъ вытащилъ стараго жениха изъ грядки и за то, что онъ былъ злой и съ жесткимъ сердцемъ, взялъ его изъ счастливой земли, гдѣ онъ жилъ. Потомъ отдалъ его на кухню повару. А поваръ разрѣзалъ стараго на кусочки, сварилъ его въ супѣ и прислалъ на столъ, чтобы мы его ѣли. И, сказать правду, онъ и не заслужилъ лучшей участи...

Дѣвочка слушала сказку съ открытыми глазами, затаивъ дыханіе. Потомъ размѣялась и смѣлѣе принялась за супъ съ морковью.

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ АНДЕРСЕНА.
ВЪ СТИХОТВОРНЫХЪ ПЕРЕЛОЖЕНИЯХЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ.

КНЯЖНА НА ГОРОШИНКЪ.

Жиль да былъ князекъ
надменный,
и желалъ онъ непременно
взять себѣ жену,
не богатую дворянку,
не смазливую крестьянку,—
кровную княжну.

Хоть невѣстъ на свѣтѣ много,
но женихъ ужасно строго
всѣхъ судиль-рядиль,
и принцессы подходящей,
чистокровной, настоящей,
все не находилъ.

Долго рыскалъ князь по свѣту
никакого толку нѣту!
Наконецъ, озлясь,
холостымъ домой вернулся,
и наморщился, надулся
благородный князь.

Какъ то, ночью, буря злилась,
въ небѣ молнія носилась
прямо надъ дворцомъ...
Вдругъ (о, дерзость!) сильно
кто-то
въ королевскія ворота
постучалъ кольцомъ.

И король, кончая ужинъ,
заворчалъ:—«Кому я нуженъ?»
Но звонокъ дрожить,
снова стукъ,—и безъ оглядки
самъ король во всѣ лопатки
отворять бѣжитъ.

Не какойнибудь повѣса,
а красавица-принцесса
передъ нимъ была.
Мокрой курицей стояла,
и вода ручьемъ стекала
съ блѣднаго чела.

Говорить она:—«Впустите!
Подъ дождемъ не простудите!
Я слаба, нѣжна;
башмаки мои безъ пятокъ,
вся одежда изъ заплатокъ...
Впрочемъ, я—княжна!»

И король впустилъ безъ гнѣва;
но старуха королева
думаетъ: «Постой,
дай узнать, что ты за птица,
и вправду ль ты дѣвица
крови не простой?»

Въ спальню быстро удалилась,
гдѣ постеля возносила,
чудо—не альковъ:
сто матрасовъ самыхъ нѣж-
ныхъ,
сто подушекъ бѣлоснѣжныхъ,
сто пуховиковъ.

И горошинку, подъ складкой
простыни, вложивъ украдкой,
ласково она,
возвращаясь къ гостѣ снова,
говорить:—«Постель готова,
спать пора, княжна!»

Поутру ее спросили:
— «Какъ вы ночью проводили?»
— «Вовсе не спала,
ни на мигъ не задремала,
всѣ бока мнѣ изломало...
Чуть не умерла!»

Иль вы мягче, въ самомъ
дѣлѣ,
не могли мнѣ дать постели?
Я совсѣмъ больна...

Что-то жесткое такое
не давало мнѣ покоя
и лишало сна»...

И воскликнули всѣ разомъ,
пораженные рассказомъ:
— «Чудо изъ чудесъ,
удивительное дѣло!
Вотъ что значить нѣжностъ дѣла
истинныхъ принцесъ!»

Вотъ дѣла какого роду!
Чистокровную породу
трудно превозмочь!

Отъ горошинки томиться
можетъ только лишь дѣвица—
княжеская дочь».

И князекъ былъ радъ ужасно.
Онъ тогда увидѣлъ ясно,
что беретъ жену,—
не богатую дворянку,
не смазливую крестьянку—
кровную княжну.
Л. Трефолевъ.

КОРОЛЕВСКОЕ ПЛАТЬЕ.

На бѣломъ свѣтѣ жилъ да былъ
одинъ король когда-то.
Въ дѣла онъ царства не входилъ,
но наряжаться такъ любилъ
роскошно и богато,
что въ день разъ двадцать-пять
привыкъ костюмъ мѣнять.
О немъ не толковали:
«Король сталъ заниматься,»
а прямо объясняли:
«Изволитъ одѣваться».

Разъ въ городѣ пронесся слухъ,
прошелъ и въ царской свитѣ,—
(вѣдь, къ разнымъ сплетнямъ кто же глухъ?)
о вѣздѣ въ городѣ чудныхъ двухъ
ткачей, и что ткачи тѣ
скорѣй, чѣмъ въ пять минутъ,
такія ткани ткуть,
что отъ начала свѣта
подобныхъ не бывало.
Но только платье это
секретъ одинъ скрывало:

кто былъ способенъ и уменъ,
тотъ видѣлъ это платье,
но если же, къ несчастью, онъ
былъ въ этотъ мѣръ глупцомъ рожденъ,
то было вѣроятье,
что для того глупца
съ изнанки и съ лица
та ткань совсѣмъ незрима,
хотя смотри онъ въ оба
на ткань неутомимо
до самой двери гроба.
(57)

Король, узнавъ о томъ, и дня
прожить не могъ въ покоѣ:
— «Будь это платье у меня,
весь дворъ по платью оцѣня,
я зналъ бы, что такое
весь мой придворный штатъ:
вѣдь глупыхъ, говорятъ,
и близъ меня есть много...
Избавлюсь отъ заразы!»
И приказалъ онъ строго
ткачамъ послать заказы.

Взглянуть на ткань, въ нѣмой борьбѣ,
король желалъ ужасно;
хоть онъ увѣренъ былъ въ себѣ
и въ избранной своей судьбѣ,
но—все таки опасно.
— «Пошлю, подумалъ онъ,
министра: онъ уменъ,
онъ служить мнѣ примѣрно,
и, знаю я заранѣ,
оцѣнить онъ навѣрно
достоинства той ткани».

Министръ къ обманщикамъ ткачамъ
явился и—ужасно!—
ткань не видна его очамъ,
лишь хитрымъ онъ внималъ рѣчамъ:
— «Не правда ли прекрасно?»
Ну, что онъ могъ сказать,
чтобъ чести не ронять?
О тупости министра
весь край бы вдругъ услышалъ...
И сталъ хвалить онъ быстро:
«Рисунокъ дивный вышелъ!...»

Весь дворъ у плутовъ побывалъ,
чтобъ тканью любоваться,
но каждый скрылъ среди похвалъ,
что ничего онъ не видалъ...
Какъ въ глупости сознаться,—
назваться дуракомъ?...
И надъ пустымъ станкомъ,
гдѣ были только нитки,
художниковъ искусство
хвалили всѣ въ избыткѣ
восторженнаго чувства.

Къ ткачамъ король явился самъ
и слышалъ толки въ свитѣ:
(58)

— «Вотъ подивитесь чудесамъ!
Что за узоры!... Вотъ здѣсь... а тамъ...
Король, куда взгляните...»
Король же думалъ такъ:
«Неужли я дуракъ?
Лишень совсѣмъ понятья?
Не вижу эту тканьъ я...»
Но высказалъ желанье
имѣть такое платье.

Король, ткачей своихъ хвала,
къ нимъ прѣзжаетъ снова,
ждетъ платья, деньги имъ суля,
и плуты тѣшутъ короля,
что платью ужъ готово:
— «Примѣрите вашъ нарядъ
извольте»,—говорятъ:—
«раздѣньтесь и примѣрите...»
Раздѣлся, мальчикъ словно,
напуганный до смерти,
король безпрекословно.

Пришелъ въ восторгъ весь кругъ вельможъ
предъ королемъ раздѣтымъ
(раздѣтый, чувствовалъ онъ дрожь):
— «Смотрите, какъ король хорошъ,
въ нарядѣ новомъ этомъ!...
Что за фасонъ при томъ!...
По городу пойдемъ,
всѣ стануть удивляться...»
Король промолвилъ слово:
— «Чтожъ, можно отправляться?»
— «Извольте! все готово!...»

Король по улицамъ идетъ
подъ болдахиномъ пышнымъ,
а вокругъ него бѣжитъ народъ,
хвалу одеждѣ воздаетъ
съ привѣтомъ, ясно слышнымъ:
— «Позволь взглянуть! Позволь!»
И думаетъ король:
— «На что-жъ это похоже?...
Мнѣ за себя обидно:
всѣ видятъ то, о Боже,
что мнѣ совсѣмъ не видно...»

Изъ оконъ, точно какъ изъ ложъ,
смотрѣли дамы, молодежь,
крича единогласно:
— «О, какъ нарядъ его хорошъ!
И какъ онъ шить прекрасно!...»
(59)

Но мимо мальчикъ шелъ...
— «Да онъ почти что голый!»
ребенокъ крикнулъ звонко...
И поняли всѣ разомъ,
что только у ребенка
нашелся здравый разумъ.

Д. Мининъ.

ДѢВОЧКА СО СПИЧКАМИ.

Ужасный холодъ. Вѣтеръ злится.
Совеѣмъ стемнѣло. Снѣгъ идетъ.
Замолкла шумная столица,
встрѣчая дома Новый Годъ.

Одна, печальный взоръ бросая,
по одустѣвшей мостовой
шла тихо дѣвочка босая
и съ непокрытой головой.
Ей мать дала свои сапожки,
но ихъ она не сберегла;
не по ногѣ онѣ для крошки,
и мало было въ нихъ тепла.
И потеряла ихъ малютка,
спасаясь бѣгствомъ. Позади
сердитый кучеръ крикнулъ:—

— «Нутка!

посторонись, поди, поди!»
Одна изъ туфель отыскалась,
другая и теперь въ плѣну:
изъ ручекъ дѣвочки досталась
мальчишкѣ, влому шалуну.

Ее отнявши, за метелью
исчезнулъ онъ и сталъ кри-
чать:

— «Вашмакъ твой будетъ ко-
лыбелью,
я буду куклу въ немъ качать!»
Никто не слышалъ вопля
крошки,

никто помочь ей не хотѣлъ,
какъ у нея озябли ножки,
и какъ подъ ними снѣгъ хру-
стѣлъ!

Въ передникѣ худомъ и ста-
ромъ
лежали спички. Чуть дыша,
она брела, своимъ товаромъ
не заработавъ ни гроша.

День цѣлый не было продажи.
И темный вечеръ наступилъ.
а у малютки бѣдной даже
никто ни спички не купилъ.
И хлопья снѣжные крутились
надъ шейкой бѣленькой, ху-
дой,—

и мысли въ головѣ толпились:
какъ дома справиться съ бѣдой?
Дрожа отъ холода и стужи,
она мечтала и о томъ,
какъ блещутъ окна! Какъ
снаружи
хорошъ и свѣтелъ каждый
домъ.

Какъ ароматно пахнетъ уткой
и гусемъ жаренымъ! Зачѣмъ
я нищей родилась малюткой
и гуся вкуснаго не ѣмъ?

Печально дѣвочка присѣла
предъ барскимъ домомъ у
крыльца,

идти домой она не смѣла,
боясь сердитаго отца.

За неудачную торговлю
ее навѣрно онъ приберетъ,—
и что ей дома? Черезъ кровлю
тамъ видно небо, дождикъ льетъ.

Въ окошкахъ тряпки и со-
дома,

и печь не топлена давно.
Отъ холода что здѣсь, что
дома

она умереть. Ей все ровню!
Она дрожала робкой птичкой
и собиралась умереть,
не смѣя даже сѣрной спичкой
себѣ ручонки отогрѣть.

(60)

Но, наконецъ, рѣшилась. Ярко
огонь отъ спички засверкалъ,
какой онъ теплый! Какъ онъ
жарко

ея ручонки приласкалъ!
Малютка радостно смотрѣла
на это чудо. Вдругъ оно
изчезло: спичка догорѣла,
и снова сдѣлалось темно.

Другая спичка засвѣтилась...
Малютка робко смотреть
вдаль:

стѣна у дома разступилась,
прозрачна стала, какъ хру-
сталь.

Все видно крошкѣ. На богатомъ
столѣ огромный гусь лежитъ
и, обдавая ароматомъ,
встаётъ и къ дѣвочкѣ бѣжить.

Онъ весь изъ жира, весь изъ
масла,

поймать его не мудрено...
Но спичка, вспыхнула—по-
гасла,

и снова сдѣлалось темно.

И третья спичка засвѣтилась
въ рукахъ малютки. Предъ ней
большая елка очутилась,
на елкѣ—тысячи огней.

Игрушки, разныя картинки
сверкаютъ золотомъ однимъ,
и ручки бѣдной сиротинки
ужъ протянулись робко къ
нимъ.

Вотъ будетъ къ празднику
обнова!

Хотѣлось куклы ей давно,
но догорѣла спичка. Снова
пустыно холодно, темно.

Лишь небо зимнее горѣло,
мильонамъ звѣздочекъ блестя.

На нихъ задумчиво смотрѣло
закоченѣвшее дитя.

Одна звѣзда упала... «Боже!—
ребенокъ думалъ:— въ этотъ
часть

ты душу взялъ къ себѣ; но кто же
съ блестящей звѣздочкой угастъ?

Быть можетъ бабушка слѣпая?
Она больна, слаба, хила.

Вчера на исповѣдъ попа я
къ старушкѣ доброй привела»...

И спичка ярко засвѣтилась,
и предъ ребенкомъ всявълучахъ,
старушка бабушка явилась,
и свѣтъ сиялъ въ ея очахъ.

Малютка руки протянула
къ старушкѣ съ тихою молю-
бой:

— «Боюсь, чтобъ ты не обма-
нула,
возьми меня, возьми съ собой!»

Вдругъ вспыхнули всѣ спички
разомъ.

Свѣтлѣе сдѣлалось, чѣмъ днемъ,
и озарилась, словно газомъ,
старушка радужнымъ огнемъ.

Она величьемъ блистала
малютку на руки взяла,
и въ небесахъ она предстала,
гдѣ нѣтъ ни горя, нѣтъ ни зла.

И Новый Годъ насталъ. Малютку
нашли замерзшей у стѣны.

Всѣ спички, сложенные въ
грудку

у ней ужъ были сожжены.
Ее жалѣли всѣ сначала,
не зная, въ простотѣ души,
какъ Новый Годъ она встрѣ-
чала,

какъ грезы были хороши!

Л. Н. Трефолевъ.

С Н Ъ Г У Р Ъ.

На дворѣ играя, дѣти
снѣгура слѣпили разъ;
вмѣсто рта кирпичъ воткнули,
черепицы—вмѣсто глазъ.

(61)

И прямѣе чтобъ держался
бѣлый дядька на снѣгу,
въ остовъ дядьки положили
изъ-подъ печки кочергу.

И при громких криках:
— «Браво!»
школяровъ и шалуновъ,
всталъ снѣгуръ въ блестящей
ризѣ
межъ сугробовъ и снѣговъ.
И вокругъ него рѣзвилась
и смѣялась дѣтвора,
но погасъ закатъ румяный—
всѣ забыли снѣгура.
Онъ остался одиноко
охранять пустынный дворъ...
Изъ-за крышъ въ туманномъ
небѣ
выплылъ мѣсяцъ на дозоръ.
Построеньямъ щелкалъ звонко
и скрипѣлъ сѣдой морозъ.
И глядѣлъ снѣгуръ на мѣсяцъ,
опечаленный до слезъ.
— «Надо мной костеръ сверкаетъ
что-то ясно черезчуръ,—
только что-то онъ не грѣетъ?»—
молча думаетъ снѣгуръ:—
«Я любилъ тепло; когда-то
обжигалъ меня костеръ,
только странно мнѣ, что холодъ
слаще съ нѣкоторыхъ поръ.»

ПѢСНЯ ИЗГНАННИКА. 1

Лети, моя птичка, далеко,
лети въ городокъ мой родной.
Стоитъ онъ въ равнинѣ зеле-
ной,
надъ свѣтлой широкой рѣкой.
Ты бѣленькій домикъ уви-
дишь,
тѣнистый вокругъ него садъ:
въ саду томъ душистыя липы,
березы и клены шумятъ.
Тамъ, въ темной листьѣ при-
таившись,
ты пѣсню запой подъ окномъ.

Вотъбы мнѣ къ огню пробраться,
да страхнуть съ себя снѣга!
Это въ немъ заговорила
изъ-подъ печки кочерга.

И глядитъ снѣгуръ—и видитъ,
что въ окошкѣ, какъ на зло,
печь сверкаетъ головнями
обольстительно-тепло.

И снѣгуръ подумалъ:—«Ладно!
До огня когда-нибудь
доберусь—вотъ только дайте
бѣлымъ холодомъ дохнуть!»

И стоитъ снѣгуръ—и видитъ,
что рѣдѣетъ ночи тѣнь,
и восходитъ въ синемъ небѣ
золотой, февральскій день.
Вышло солнце... каплетъ съ
крыши...

Снѣгъ сталъ ярокъ черезчуръ...
Кочерга въ немъ зашаталась,
и расплакался снѣгуръ...

И расплакался, и таетъ...
Съ ризы капаютъ снѣга.
И, ликуя, обнажилась—
и упала кочерга.

К. Фофановъ.

И стукнетъ окно.. и головка
покажется дѣтская въ немъ.
Ребенка лазурные глазки
весеннего неба яснѣй;
свѣтлѣй золотистыхъ ко-
лосьевъ
волна его мягкихъ кудрей
И будетъ онъ слушать пѣвунью,
сіяя восторгомъ; и ей
потомъ на окнѣ разбросаетъ
онъ верна рученкой своей.
А ты, легкокрылая птичка,
малюткѣ скажи моему,

1 Стихотвореніе на мотивъ сказки «Пѣсня птички» (см. выше библиографію къ статьѣ «Какъ устроить андерсеновскій праздникъ».)

что въ краѣ далеко мѣсть
сердце,
которое рвется къ нему,—
что горько мнѣ жить на чуж-
бинѣ,

что дума одна у меня:
дождусь ли поры я желанной,
дождусь ли отраднаго дня,—
когда, возвращаясь веселый
въ свой мирный родной го-
родокъ,

я бѣленькій домикъ увижу,
гдѣ дѣтскій звучитъ голосокъ.
И выбѣжить съ хохотомъ звон-
кимъ

малютка навстрѣчу отцу,
и крѣпко пылающей щечкой
къ его онъ прижметъ лицу.
И прошлое горе заставитъ
меня позабыть въ этотъ часъ
улыбка его дорогая
и блескъ голубыхъ его глазъ.

А. Плещеевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ АНДЕРСЕНА

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ.

В О Р О Н Ъ.

Надъ колыбелью лампада горитъ:
ночью, въ тиши безмятежной,
мать молодая надъ сыномъ сидитъ,
смотреть на спящаго нѣжно.

— «Спи, ненаглядный! пока надъ тобой
носятся свѣтлыя грезы...

Кто мнѣ откроетъ: что въ жизни земной
ждетъ тебя—радость, иль слезы?»

По лѣсу вѣтеръ завывъ, за окномъ
каркаетъ воронъ дубравный:
— «Твой ненаглядный въ оврагѣ лѣсномъ
будетъ мнѣ пищею славной.»

Ө. Миллеръ. 1

М А Т Ъ И С Ы Н Ъ.

— Скажи мнѣ, родная, дай сыну отвѣтъ:
увижу-ль отца? Иль въ живыхъ его нѣтъ?
Молчишь ты, и даже не скажешь: кто онъ?
А нынче мнѣ чудный привидѣлся сонъ.
Мнѣ снилось, что былъ мой отецъ королемъ...
Скажи хоть одно мнѣ: куда мы идемъ?

Блуждаемъ въ степи мы, скрываясь отъ всѣхъ.
Гдѣ темныя рощи? Тамъ пляски и смѣхъ,
тамъ пѣсни звучали! Туда бы опять...

1 Стихотвореніе это переведено еще Ө. Бергомъ (въ «Свѣточѣ» 1861 г. № 11), П. Быковымъ («Живое Обозр.» 1877 г.), А. Надеждинымъ («Пчела» 1878 г.) и И. Кондратьевымъ («Свѣтъ и Тѣни» 1880 г.).

Опять бы я горы хотѣлъ увидать.
Скажи, гдѣ отецъ мой? Скажи мнѣ, кто онъ?

А я расскажу тебѣ чудный свой сонъ.

Мнѣ радуга снилась, на выси двухъ горъ
она опиралась. И будто мой взоръ—
надъ нею отца въ облакахъ различилъ.
Свободно и гордо онъ въ небѣ царилъ:
Корона была золотая на немъ,
и ангелы Божьи летали кругомъ.
Онъ мнѣ улыбался, кивалъ съ облаковъ...
Оградныхъ такихъ я не видывалъ сновъ!»

— «Какіе тутъ сны! Замолчи ты, глупецъ!
Изъ Венгріи мы. Тамъ повѣшенъ отецъ.
Былъ гордъ, какъ король онъ, и въ часъ роковой
онъ духомъ не палъ, не поникъ головой.
Добычею птицъ, незарытый, онъ сталъ...
Въ тѣ дни у меня ты подъ сердцемъ лежалъ!
Ну, что поблѣднѣлъ? Что дрожишь ты, сынокъ?
Иди же, иди! Еще путь нашъ далекъ.»

А. Плещеевъ.¹

О Б Л А К А.

Все сильнѣй и сильнѣй опьяняющій запахъ цвѣтовъ;
поднялись надъ травой вереницы ночныхъ мотыльковъ;
то луна—не луна,—точно свѣтитъ далекій пожаръ.
Разлился по волнамъ засверкавшимъ блѣвущій паръ...
Иль туманъ въ океанъ отъ меня уползаетъ змѣей?
Иль видѣній ночныхъ выступаетъ обманчивый рой?
Города ли вѣтаютъ, острова ли по морю вдали?
Иль за темной волной убѣгаютъ на югъ корабли?
Тихо меркнетъ заря; все блѣднѣе, блѣднѣе волна,
подъ зарей золотой полосами синѣетъ она.

Какъ по той по волнѣ великаны на битву летятъ;
вѣютъ перья въ выси, краснымъ полымемъ латы блестятъ.

Великаны идутъ; то—Валгаллы великой жильцы,
по далекимъ морямъ знаменитые силой бойцы.

Вотъ сошлись—понеслись, и оружье, блистая, гремитъ,
и далеко молвы изумленное эхо летитъ...

Изъ-за нихъ поднялись за громадой громады опять,
грозно съ вѣтромъ пошли по туманному небу гулять.

И куда-то пошли, гдѣ-то стали съ летучей грозой,
гдѣ колосья шумятъ подъ дождемъ освѣженной волной.

Ө. Бергъ.

¹ Другіе переводы: Ө. Берга (въ «Поэтахъ вѣхъ временъ и народовъ» М. 1860) и А. Доброхотова (въ «Уральской Жизни» 1903 г. 29 декабря).

КАРТИНКИ СЪ ЗАПАДНАГО БЕРЕГА ЮТЛАНДИИ.

На дюнѣ—ни куста, и травки стебелекъ
здѣсь рѣдкость: вся она—одинъ сплошной песокъ,
лишь камни круглые, всѣхъ красокъ и цвѣтовъ,
всѣхъ величинъ, лежатъ, пестрѣя средъ песковъ,
да вдоль измѣнчивой черты береговой
обломки кораблей нагромоздилъ прибой.
Спокоенъ океанъ; насколько видитъ взоръ,
блестя, какъ зеркало, лежитъ его просторъ.
Вотъ съ пѣней на берегъ собирается народъ:
то—рыбаки идутъ, здоровый, крѣпкій родъ.
Съ молитвой каждый съѣлъ въ убогой свой челнокъ,—
и съ Богомъ въ путь. Впередъ ихъ гонитъ вѣтерокъ!

* * *

А вотъ, какъ дряхлый инвалидъ
старушка у моря стоитъ,
на солнцѣ грѣясь, и съдой
качаетъ тихо головой.
И видитъ съ радостью она:
вдали коварная волна
качаетъ остовъ корабля;
всѣхъ мачтъ лишенный и руля,
онъ на мель съѣтъ уже готовъ,—
корабль погибшихъ моряковъ;
вотъ крѣпко врѣзался онъ въ рифъ...
Тогда, колѣни преклонивъ,
старушка шепчетъ: «О, когда-жъ
и намъ пошлешь Ты, Отче нашъ,
добычи?.. Если, все равно,
погибнуть судну суждено,
то пусть случится это здѣсь:
нашъ хлѣбъ насущный даждь намъ днесъ!»

* * *

Спокойна, какъ могла, свѣтла поверхность водъ,
но грозный шумъ и ропотъ изъ глубины встаетъ;
спѣшатъ рыбачьи лодки, везя обильный ловъ,
скорѣе до надежныхъ добраться береговъ.
И вдругъ темнѣетъ море, и, пѣная, въ вышину
бросаетъ съ страшной силой гигантскую волну;
и къ небесамъ взлетаетъ гремящая волна,
и, встрѣтившись съ прибоемъ, назадъ летитъ она.
Но лодкамъ не опасенъ бушующій прибой,
гребцы ихъ направляютъ искусною рукой;
вотъ, спрыгивая въ воду, на берегъ рыбаки
вытаскиваютъ молча, съ усилениемъ, челноки;
забравъ добычу, жены несутъ ее домой,
а ихъ мужья угрюмой, безмолвною толпой

стоять еще надъ моремъ. Что-жь видно рыбакамъ?—
Корабль, гонимый бурей, несется къ берегамъ.
На немъ ужъ рубятъ мачту; его поднялъ приборъ—
и вотъ уже на рифы онъ выброшенъ волной!
Лишь горсть людей на мачтѣ въ волнахъ еще плыветъ,
напоромъ сильнымъ вѣтра къ землѣ ее влечетъ;
но вновь ее отбросилъ громадный встрѣчный валъ,
и всѣ тѣла людскія отъ мачты оторвалъ.
Ни жалобы, ни стона надъ мертвой глубиной..
Утихла буря... Море озарено луной.
Къ землѣ волною гонитъ боченки и токи,
и, радуясь, какъ дѣти, ихъ ловятъ рыбаки.

Н. Новичъ.

ЖЕНЩИНА СЪ ЛУКОШКОМЪ ЯИЦЪ.

(Старая исторія въ новыхъ стихахъ).

Въ деревнѣ, что подъ городомъ, жила была владѣлица крестьянской всячины всячины и курицы единственной... А курица, какъ курица, несла, известно, яйца,—все по яичку въ день.

По счету этой женщины скопилось два десяточка, выходитъ дѣло ладное... Заботливо, старательно сложивши ихъ въ лукошечко, она его на голову поставила, какъ слѣдуетъ, и въ городъ побрела.

Дорога—все же дальняя, а въ одиночку кажется она еще томительнѣй: такъ время есть раздумывать, да барыши рассчитывать.. Что жъ? всякому желателенъ хорошей-то барышъ.

Идетъ она, торопится и вслухъ усердно думаетъ:—«Ну да, за два десятка-то рублишко вѣрно выручу. А выручу—такъ парочку я куръ себѣ куплю.—Вотъ три ужъ будетъ курицы. Известно, значить, каждая яйцо мнѣ нанесетъ.

«И снова будутъ денежки, а коли будутъ—троечку къ тѣмъ тремъ приобрѣту... Ну, вотъ какъ дѣло сладится, яичекъ накопится,—я половину добрую продамъ, а весь остаточекъ—на выводку цыплятъ... Ай, батюшки, глядите-ка: куриный цѣлый дворъ.

«Яицъ, цыплятъ и курочекъ не сосчитать хозяюшкѣ. Не долго тутъ, о Господи,—совѣмъ разбогатѣть. Гусей куплю я парочку, потомъ барашка славнаго—торговля и расширится: есть яйца, есть курицы, перо и даже шерсть.

«А какъ мошна наполнится, тогда и поросеночка куплю, да и коровушку, а можетъ быть, и двѣ. Черезъ годикъ—глядь: высокія хоромы точно выросли. Работники, работницы идутъ толпой къ хозяюшкѣ, а съ поля гонять скотъ.

«Вотъ тутъ женихъ и явится, а у него хоромы-то куда моихъ обширнѣе.—«Позвольте, молъ, сударыня мнѣ ручку вашу правую сейчасъ поцѣловать». И—ахъ, какою гордою тогда пройдуся я павою. Носъ отакъ задеру...»

И задрала... Лукошечко свалилось, трахъ—и яйца, попадавши, разбились, а вмѣстѣ съ ними рушились хоромы разноцвѣтныя..

А чтожь? Вѣдь, это, право же, пожалуй хорошо!

Пер. В. Щиглевъ.

ДѢТСТВО АНДЕРСЕНА.

I.

Гансъ Христианъ Андерсенъ былъ знаменитый датскій писатель. Онъ прославился своими сказками. И взрослые, и дѣти любятъ читать и слушать его сказки. Андерсенъ писалъ ихъ на своемъ родномъ, датскомъ языкѣ, но онѣ нравились не только у него на родинѣ, въ Даніи. Во всѣхъ странахъ и государствахъ свѣта узнали объ этихъ сказкахъ, и онѣ переведены на многіе языки: и русскіе, и французы, и англичане, и нѣмцы, и итальянцы любятъ сказки Андерсена,—для всѣхъ народовъ онъ сталъ роднымъ писателемъ...

Андерсенъ родился въ 1805 году, 2 апрѣля, а умеръ семидесяти лѣтъ отъ роду, 4 августа 1875 г. Почти всю свою жизнь онъ прожилъ въ столицѣ Даніи, Копенгагенѣ, а дѣтство свое, до 14 лѣтъ провелъ на родинѣ, въ небольшомъ городкѣ Одензе, въ маленькой бѣдной квартиркѣ, у бѣдныхъ родителей.

Отецъ Андерсена былъ простымъ башмачникомъ. Но этотъ бѣдный башмачникъ очень любилъ книги, и красивыя вещи. У него всѣ стѣны тѣсной комнаты были увѣшаны картинками; на комодѣ стояли росписныя фарфоровыя чашки, стаканы и разныя бездѣлушки, а надъ верстакомъ, гдѣ онъ работалъ, красовалась полка съ книгами. Всю жизнь онъ горевалъ о томъ, что изъ-за бѣдности ему не удалось получить образованія. За то въ свободное время, зимними вечерами, онъ любилъ читать книги. Часто онъ читалъ вслухъ сказки, басни, комедіи, а маленькій сынишка Гансъ съ матерью слушали.

Отецъ очень любилъ своего мальчика,—души въ немъ не чаялъ. Всякую свободную минуту отдавалъ на то, чтобы сдѣлать что-нибудь ему на радость: читалъ ему сказки, показывалъ, рисовалъ картинки, а главное—мастерилъ ему разныя игрушки: куклы съ кивающими головами, мельницы съ вертящимися крыльями, картинки съ превращеніями, панорамы съ разными чудесами... А лѣтомъ по воскресеньямъ отецъ любилъ уходить за городъ, въ лѣсъ, и брать съ собою маленькаго Ганса. Въ лѣсу отецъ садился гдѣ-нибудь подъ деревомъ—отдыхалъ и думалъ свои думы, а мальчикъ бѣгалъ около него на волѣ, плелъ вѣнки изъ лѣсныхъ цвѣточковъ, или собиралъ землянику и, взявъ сухую былинку, навязывалъ на нее красныя ягоды, словно бусы.

Мать Андерсена съ дѣтскихъ лѣтъ много видала въ жизни горя. Она была изъ бѣдной семьи. Родители иногда доходили до

такой нужды, что выгоняли дѣвочку изъ дому просить на улицѣ милостыню. А ей было и страшно, и стыдно. Она бѣжала на берегъ рѣки, забивалась на цѣлый день подъ мостъ, и тамъ горько плакала... Ее выдали замужъ за башмачника. Не великъ былъ его заработокъ; едва хватало на прокормленіе. «У моей матери—разсказывалъ Андерсенъ—было одно только праздничное платье, да и то—ситцевое». Она надѣвала его два раза въ годъ: къ причастію и въ маѣ, въ весенній праздникъ, когда и отецъ, и мать, и маленький Гансъ ходили въ лѣсъ, встрѣчать весну.

Мать выросла и жила въ бѣдности, но любила чистоту и порядокъ въ домѣ. Она любила украшать стѣны комнатъ зеленью. На окнахъ всегда висѣли чистыя занавѣски, а на кровати были бѣлыя, какъ снѣгъ, подушки...

У нея былъ устроенъ интересный домашній огородъ: Андерсенъ упоминаетъ о немъ въ одной изъ своихъ сказокъ. Изъ маленькой кухни былъ ходъ на чердакъ; за окномъ чердака, на водосточномъ желобѣ, стоялъ ящикъ, набитый землей: тутъ и росли огородавыя овощи,—лукъ и петрушка.

Съ любовью вспоминалъ Андерсенъ еще о своей бабушкѣ. Это была худощавая, съ голубыми глазами, старушка,—тихая и кроткая. И у нея жизнь была не радостная. Мужъ ея, дѣдушка Андерсена, былъ важиточнымъ крестьяниномъ; но случился пожаръ, истребилъ у него весь хуторъ, и дѣдушка съ горя помѣшался. Бабушка на остатки имущества купила крошечный домикъ около городской больницы въ Одензе и жила здѣсь со своимъ слабоумнымъ мужемъ. Въ больницѣ былъ садикъ, и бабушкѣ былъ порученъ ухаживать за нимъ. Каждый день хоть на минутку бабушка забѣгала къ сыну, башмачнику, взглянуть на своего любимца Ганса. А по субботамъ приносила внуку небольшой букетъ цвѣтовъ изъ своего сада. То-то была радость у мальчика: это были *его* цвѣты! Онъ самъ ставилъ ихъ въ стаканъ съ водой, и нѣсколько дней они красовались на комодѣ.

II.

Андерсенъ былъ у отца съ матерью единственнымъ ребенкомъ. Его любили и баловали. Но не было съ нимъ другихъ дѣтей, и онъ росъ одинокимъ. Любимою его игрою была игра въ куклы, а любимымъ занятіемъ—шить кукламъ наряды: словно онъ былъ дѣвочкой, а не мальчикомъ. Около дома во дворѣ росъ кустъ крыжовника. Подъ этимъ кустомъ Гансъ проводилъ все лѣто съ своими куклами. Наигравшись, наговорившись съ ними, онъ любилъ молча мечтать. Куда-куда только ни уносился онъ въ своихъ мечтахъ! Иногда онъ мечталъ даже на ходу, гуляя по двору, и при этомъ жмурился глаза. Родные, замѣчая это, стали думать, не слабо ли у него зрѣніе? А онъ жмурился глаза, чтобы дать волю своимъ мечтаніямъ.

Грамотѣ Андерсенъ научился въ частной школѣ, гдѣ учительницей была сердитая старуха. Она била учениковъ розгами по плечамъ. Однажды ударила и Андерсена. Тотъ схватилъ свои книжки и убѣжалъ домой, къ матери. Мать отдала его въ другую шко-

лу. Здѣсь учились мальчики, но среди нихъ была и одна дѣвочка. Гансъ былъ самымъ младшимъ изъ дѣтей, и подружился было съ дѣвочкой, но эта дружба была недолговременна. Гансъ былъ мечтатель, а дѣвочка—не по лѣтамъ дѣловита: она только и говорила о томъ, какъ научиться въ школѣ счетоводству и какъ потомъ поступить на хорошее мѣсто. Однажды у нихъ вышелъ такой разговоръ... Она сказала:

— Мама говоритъ, что я могу сдѣлаться эконожкой въ большомъ имѣніи!

На это Гансъ ей отвѣтилъ:

— Я возьму тебя въ свой замокъ, когда сдѣлаюсь вельможей...

Дѣвочка засмѣялась и замѣтила ему:

— Да, вѣдь, ты же совсѣмъ бѣдный мальчикъ.

Но Гансъ и послѣ такого замѣчанія не хотѣлъ разстаться со своей мечтой. Онъ нарисовалъ на бумагѣ замокъ, показалъ его маленькой подружкѣ и сказалъ:

— Вотъ, это—мой замокъ! Я, правда, теперь бѣдный мальчикъ, но родился я знатнымъ,—меня подмѣнили... Ты знаешь? Ко мнѣ прилетаютъ иногда ангелы и разговариваютъ со мной!

Дѣвочка посмотрѣла на него удивленными глазами и закричала другимъ школьникамъ:

— Смотрите! У него въ головѣ не все въ порядкѣ, какъ у его дѣдушки!

Такъ кончилась дружба Андерсена съ той дѣвочкой. Онъ сталъ еще болѣе одинокимъ и жилъ со своими мечтами.

Мальчикъ росъ на свободѣ. Взрослые не находили ему никакого дѣла. Мать любовалась тѣмъ, какъ ловко Гансъ шилъ платье своимъ кукламъ, и думала:

— Навѣрное, будетъ портнымъ! Такъ и видно, что онъ портнымъ и родился.

Но никому изъ старшихъ, конечно, и на мысль не приходило, что Гансъ будетъ знаменитымъ писателемъ.

III.

Андерсенъ родился не портнымъ, какъ думала его мать, а поэтомъ. Огъ рожденія онъ былъ одаренъ талантомъ поэтическаго творчества. Онъ много игралъ съ куклами,—говорилъ съ ними какъ съ живыми существами, придумывалъ о нихъ цѣлыя исторіи, въ этомъ уже сказывался даръ поэтическаго творчества. Онъ много мечталъ; самъ о себѣ сочинялъ исторіи и приключенія; въ мечтахъ уносился въ далекія страны, воображалъ себя богачемъ и вельможей, видѣлся съ ангелами: это говорилъ въ немъ талантъ поэта. Развернуться этому таланту помогли и отцовскія игрушки, и куклы, и сказки, которыхъ Гансъ много слышалъ въ дѣтствѣ. Но больше всего помогло этому знакомство маленькаго Андерсена съ театромъ.

Въ городѣ Одензе былъ постоянный театръ. Иерѣдка ходили туда и родители Андерсена. Въ первый разъ въ жизни Гансъ попалъ въ театръ, когда былъ еще совсѣмъ маленькимъ мальчикомъ. Правду сказать, тутъ онъ не показалъ себя поэтомъ. Войдя въ

зрительный залъ, гдѣ было много публики, онъ громко воскликнулъ:

— Охъ! Кабы у насъ было столько боченковъ съ масломъ, сколько тутъ людей—то-то я поѣлъ бы!

Но театральное представлѣніе такъ запало въ душу маленькаго мечтателя, что съ тѣхъ поръ театръ сдѣлался для него любимымъ мѣстомъ. Попадать въ театръ ему приходилось рѣдко,—равъ или два въ зиму. За то Гансъ свелъ дружбу съ разносчикомъ афишъ. Тотъ давалъ ему каждый день по афишѣ, а Гансъ за это разносилъ вмѣсто него афиши по своему кварталу. Потомъ шелъ со своей афишей домой, забивался въ уголъ, читалъ заглавіе пьесы и дѣйствующихъ лицъ и самъ придумывалъ дѣйствіе. Такъ онъ сочинялъ про себя цѣлыя комедіи и тѣдилъ себя ими вмѣсто настоящаго театра. Вотъ когда начались первыя попытки поэтическаго сочинительства.

Попасть лишній разъ въ театръ и видѣть представлѣніе было для Ганса великимъ счастьемъ. Актеры, пѣвцы и танцоры, которыхъ онъ видѣлъ въ театрѣ, казались ему особенными, необыкновенными людьми. И онъ самъ все болѣе и болѣе сталъ мечтать о томъ, чтобы играть на сценѣ, или танцовать, или пѣть. Онъ хорошо запоминалъ все, что видѣлъ и слышалъ въ театрѣ, и дома повторялъ и пѣніе, и танцы, и игру актеровъ. Повторялъ цѣлыя пьесы со своими куклами и пытался сочинять свои пьесы.

Но никто не могъ угадать, что у мальчика душа поэта. Его не понимали ни родные, ни чужіе,—ни взрослые, ни дѣти. Онъ былъ одинокъ со своими мечтами и увлеченіями; среди своихъ земляковъ онъ былъ, какъ чужой. Онъ былъ похожъ на того лебедя, который вылутился изъ яйца въ утиномъ гнѣздѣ и котораго на птичьемъ дворѣ всѣ считали безобразнымъ утенкомъ. Прекрасную сказку «Гадкій утенокъ» Андерсенъ написалъ о себѣ. На птичьемъ дворѣ не угадали въ некрасивомъ утенкѣ лебедя: такъ и въ странномъ одинокомъ мечтательномъ мальчикѣ земляки и близкіе люди не угадали поэта.

Отецъ Андерсена еще могъ понять мальчика, но онъ умеръ, едва Гансу исполнилось 10 лѣтъ. Мать осталась вдовою, страшно нуждалась, ходила по домамъ стирать бѣлье. Она все хотѣла пристроить сына къ какому нибудь ремеслу и по прежнему твердила, что лучше всего ему быть портнымъ.

Къ 12-13 годамъ Андерсенъ былъ долговязымъ мальчикомъ съ длинными свѣтлыми волосами. Безъ шляпы, въ деревянныхъ башмачкахъ, онъ часто появлялся на улицахъ со своими афишами или куклами. Взрослые люди покачивали головами и считали его не то чудачкомъ, не то бездѣльникомъ. А мальчишки, узнавъ о томъ, что онъ увлекается театромъ, часто смѣялись ему въ слѣдъ и кричали: «вотъ идетъ сочинитель комедій!»

Былъ только одинъ домъ въ Одензе, гдѣ въ маленькомъ мечтателѣ угадали будущаго поэта. Это былъ домъ умершаго пастора. Здѣсь жили двѣ образованныя пожилыя женщины,—вдова и сестра пастора. Самъ покойный пасторъ былъ поэтъ; онъ сочинялъ пѣсенки въ народномъ духѣ, и эти пѣсенки всѣмъ нра-

вились. Обѣ женщины полюбили маленькаго Андерсена, приглашали къ себѣ, давали ему свои книги, читали ему вслухъ или слушали его чтеніе и учили его шить... У нихъ Андерсенъ познакомился съ сочиненіями Шекспира. Начитавшись Шекспира, Андерсенъ сталъ разыгрывать его трагедіи на своемъ кукольномъ театрѣ и самъ сочинялъ пьесы въ подражаніе Шекспиру. Увлеченіе театромъ у него все росло да росло.

IV.

Андерсенъ съ малыхъ лѣтъ былъ смѣлымъ мальчикомъ; не боялся препятствій; умѣлъ добиваться исполненія своихъ желаній. Въ его дѣтствѣ былъ такой случай. Въ началѣ осени, послѣ уборки хлѣбновъ, мать иногда выходила въ поле и собирала оставшіеся послѣ жатвы колосья. Съ ней ходилъ и маленькій Гансъ. Однажды они съ матерью и съ другими женщинами собирали колосья на барскомъ полѣ. И вдругъ увидали управляющаго. Всѣ знали этого злого чловѣка. Онъ шелъ и грозилъ огромнымъ кнутомъ. Всѣ бросились бѣжать, но Гансъ отсталъ отъ другихъ: онъ потерялъ свои деревянные башмаки и не могъ бѣжать босикомъ по колючей жнивѣ. Управляющій хотѣлъ ударить его своимъ бичемъ, но Гансъ безстрашно взглянулъ ему въ глаза и сказалъ:

— Какъ же ты смѣешь бить меня? Вѣдь, Господь видитъ тебя!

Управляющій сразу смягчился, потрепалъ Ганса по щекѣ и далъ ему денегъ.

Благодаря своей смѣлости и неустрашимости предъ невзгодами и опасностями, Андерсенъ и выбрался на дорогу къ писательству. Однажды онъ сказалъ матери:

— Хочу играть въ комедіяхъ!

Мать возстала противъ этого: она плохо отличала актера отъ акробата и театръ отъ цирка.

— Вотъ когда попробуешь колотушекъ!—говорила она Гансу:—Заставятъ тебя голодать, чтобы ты былъ полегче. Станутъ пичкать тебя деревяннымъ масломъ, чтобы ты былъ гибкимъ... Нѣтъ! Ты пойдешь въ портные. Посмотри только, какъ живетъ нашему портному Стегману! Живетъ на главной улицѣ; окна зеркальныя; на всѣхъ столахъ подмастерья! Вотъ бы тебѣ попасть къ нему!

Но природное влеченіе къ театру и къ сочинительству взяло верхъ. У подросшаго утенка развертывались крылья лебедя.

Когда Гансу исполнилось 14 лѣтъ, онъ сталъ умолять, чтобъ мать отпустила его въ столицу, въ Копенгагенъ.

— А чего ты тамъ добьешься?—спросила мать.

— Я прославлю себя!—отвѣтилъ мальчикъ, и сталъ ей рассказывать о томъ, какъ много знаменитыхъ людей родилось въ бѣдности.

Мать не соглашалась, а Гансъ плакалъ и неотступно просилъ все о томъ же.

Тогда мать позвала гадалку и попросила ее погадать о судьбѣ Ганса на картахъ и на кофейной гущѣ. Старушка-гадалка поворожила на картахъ и сказала:

— Сынъ твой будетъ большимъ человѣкомъ. Придетъ день и въ Одензе зажгутъ въ честь его иллюминацію.

Мать расплакалась и рѣшила отпустить сына въ столицу. А всѣ родные и сосѣди, узнавъ объ этомъ, старались ее отговорить,— разъяснили ей, что она отпускаетъ мальчика на погибель. На это мать говорила:

— Что же мнѣ дѣлать? Онъ не даетъ мнѣ покоя! Отпущу его, но я знаю, что онъ вернется домой: какъ только увидитъ сердитое море, такъ и вернется. Вотъ тогда-то ужъ я отдамъ его въ ученье къ портному!

Но слова матери не сбылись. Мальчика не испугали сердитыя волны моря: онъ уже не вернулся на родину... Какая-то невѣдомая сила влекла его въ столицу, гдѣ онъ надѣялся сдѣлаться артистомъ при театрѣ. Но за то и самъ онъ ошибся въ своемъ призваніи. Изъ него не вышло ни актера, ни пѣвца, ни танцора, о чемъ онъ мечталъ—и чего добивался: онъ былъ рожденъ поэтомъ и сдѣлался великимъ писателемъ.

П. М.

ЗИМОЙ.

Снѣгомъ бѣлымъ, серебристымъ,
какъ парчею, дворъ одѣтъ.
Въ блѣдномъ инеѣ пушистомъ
лучезарный солнца свѣтъ.

На дворѣ насъ ждутъ салазки,
будутъ насъ съ горы возить.
Мы Снѣгурку, словно въ сказкѣ,
станемъ весело лѣпить.

А устанемъ—перемѣна:
побѣжимъ домой играть,
мама сказки Андерсена¹
будетъ вечеромъ читать.

Н. Анурсинъ.

¹ Русскіе произносятъ фамилію Андерсена съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, а не на первомъ, какъ датчане.

Ред.

ВЪ КУКОЛЬНОМЪ ТЕАТРѢ.

(Къ сказкѣ Андерсена: „Пастушка и Трубочистъ“.)

Муз. АНАТОЛІЯ КАНКАРОВИЧА.

№ 1. ЭКСПРОМПТЪ.

Allegro grazioso.

PIANO.

poco rit. e dim.

tempo

con brio

ff

Red.

² Составъ инструментовъ, на которые написана и исполнялась музыка къ сказкѣ „Пастушка и Трубочистъ“: скрипка, виолончель, кларнетъ, ф.-пиано и арфа. Переложеніе для одного ф.-пиано сдѣлано самимъ авторомъ.

№ 2. ВАЛЬСЪ.

Poco moderato.

mf grazioso

con brio

poco rit. *dolce*

espr. *rit.*

tempo

poco rit.

marc.

№ 3. ИНТЕРМЕДИЯ.

Andantino con moto.

p dolce

m.d. *m.g.*

m.g. *cresc.* *ff*

espr., piangendo *pesante* *sempre* *rit.*

dim.

Allegretto grazioso. dolce e espr.

Копия

ИГРА

НЕ-ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
при Театральномъ Отдѣлѣ Народнаго Комиссариата по Просвѣщенію.
ПОСВЯЩЕННОЕ ВОСПИТАНІЮ ПОСРЕДСТВОМЪ ИГРЫ.

ПРОГРАММА.

І Ч А С Т Ь.

СТАТЬИ и МАТЕРІАЛЫ по всѣмъ отраслямъ эстетическаго воспитанія, разсматриваемаго, какъ средство социальнаго воспитанія; Игра, какъ начало искусства и какъ воспитательно-образовательное средство.

Поэзія и театральное искусство во всѣхъ его видахъ, какъ средство эстетическаго воспитанія: театр, современный и античный; опера, пантомима, живыя картины и костюмированныя группы, импровизированная комедія, историческія дѣйства и процессіи, кукольный и тѣневой театр, петрушка.

Драматизація, какъ методъ школьнаго преподаванія.

Декламация и рассказываніе.

Музыка, какъ средство эстетическаго воспитанія: эволюція и воспитаніе музыкальнаго чувства у дѣтей; развитіе, воспитаніе и гигиена дѣтскаго голоса и слуха.

Практическое примѣненіе музыки въ дѣтской жизни.

Ритмическая гимнастика. Эстетическая гимнастика. Пластика. Дѣтскій балетъ.

Графическія искусства и лѣпка. Художественный ручной трудъ.

Техника сценическаго искусства: декорации, костюмы и пр.

Этнографія и фольклоръ примѣнительно къ эстетическому воспитанію.

Дѣтскіе клубы, колоніи и площадки.

Дѣтскіе праздники, спектакли и выставки. Художественныя экскурсіи.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Обзоры художественнаго репертуара для дѣтскихъ праздниковъ.

ИЗЪ КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ХРОНИКА.

ОТРАЖЕНІЯ. (Изъ жизни и наблюденій).

ІІ Ч А С Т Ь.

ПЬЕСЫ для дѣтскаго театра, какъ вновь написанныя, такъ и лучшія изъ старыхъ.

Инсценировки.

ПОДВОРЪ ЖУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ для рассказыванія и декламации на дѣтскихъ праздникахъ.

СМѢСЬ (Сценки, шутки, юмористическія стихотворенія и т. п.).

РИСУНКИ (наброски декораций, костюмовъ и т. п.).

НОТЫ (Дѣтскія пѣсни, хороводы, игры съ пѣніемъ. Музыка для танцевъ и пантомимъ).

[АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Петроградъ, Дворцовая набережная, д. 30.